

Сергей Адодин

КОТИКОВ

придумал

БОГ

18+

Сергей Адодин
Котиков придумал Бог

«Автор»

2026

Адодин С.

Котиков придумал Бог / С. Адодин — «Автор», 2026

Сборник миниатюр представляет собой серию ярких, юмористических и сатирических историй, объединяющих сказочные мотивы с острой социальной и религиозной критикой. Через образы животных, необычных ситуаций и абсурдистских сцен автор поднимает важные вопросы о свободе, власти, вере, взаимоотношениях людей и институтов, демонстрируя глубокое понимание человеческой природы и современного общества. Произведение сочетает легкий юмор с серьезными размышлениями, вызывая улыбку и стимулируя читательскую рефлексию.

© Адодин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

16 белок и прочее разумное пространство	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Адодин Котиков придумал Бог

Миниатюры.

16 белок и прочее разумное пространство

Мышь смотрела на человека через решётку спокойным немигающим взглядом. Это было неправильно, ведь не она, а именно он, человек – сотрудник лаборатории. Ему скоро докторскую писать, между прочим. И вообще, человек – венец творения, у него медаль, связи и пять тысяч подписчиков в Свистере. Но этой мыши, похоже, было всё равно. Её глазки – две блестящие ягодки изучали человека безмятежно и даже как-то насмешливо. Нагло. Вот оно!

– Что ты есть, мышье, яко наглства исполнилась еси? – требовательно спросил крещённый научный сотрудник.

Наглый грызун с электродами в голове поднял лапку и не спеша положил на кнопку удовольствия, продолжая молча смотреть прямо в глаза. «Издевается», – догадался человек.

– Издеваюсь, – сказала мышь.

– А по какому праву? – возмутился учёный.

– Потому что могу, глупенький, – пояснила она.

– Я – человек. А ты – мышь! – выпалил человек в белом халате.

– Делаешь очевидные успехи, – заметила мышь.

Нельзя позволять подопытному зверьку взять верх. Пора поставить его на место.

– Это всё следствие фрустрации, – заявила мышь и нажала на кнопку. Электроды, вживлённые в её мозг, подали слабый импульс прямо в центр удовольствия, отчего мышь села и заскребла лапкой.

– Боже, хорошо-то как! – выдохнула она вскоре.

Учёный смотрел с отвращением. Что за жизнь – сидишь в неволе, жмёшь на кнопку. Тьфу!

– О чём ты, презренный зверь? Какая ещё фрустрация?

– Начальник твой, завлаб. Он же глуп. Купил диссертацию, ворует бюджетные средства, тебя третирует. А ты кланяешься ему, хоть и ненавидишь. Давно бы уже ему горло перегрыз и закрыл гештальт.

– В тюрьму неохота, – проворчал человек.

– Мы с тобой оба в тюрьме, – сказала мышь. – Я в клетке, у тебя ипотека, автокредит и Непотребнадзор. Я тут против воли, а ты энтузиаст. Вот только, чтобы получить хоть какое-то удовольствие в жизни, тебе приходится терпеть идиота завлаба. Получив свои несчастные двадцать пять тысяч, выкраиваешь на пачку сигарет и чекушку дешёвого коньяка. А я жму на эту кнопку бесплатно, и мне хорошо.

– Вообще-то, о мышь, от удовольствия ты забываешь есть, и тебе грозит скорая смерть от истощения.

– А тебе, человек, как будто, от переедания. Я умру счастливой мышью, а ты так и будешь несчастен, ведь тебе не хватит духу выбраться из своей клетки.

– Грызть глотки – не выход. Это не по-людски, – пробурчал научный сотрудник.

– Зато лишит мышь свободы, искалечит её – вполне себе по-людски, – сверкнула гневным взглядом мышь.

Учёный отвёл взгляд и отошёл от клетки. Около получаса он мерил шагами лабораторию – макет своей собственной клетки. Затем закурил в вытяжку, размышляя о гештальтах и мышах.

Один бобр по прозвищу Бобёр решил постигнуть искусство любви к ближним. О жабах говорили, что они мерзкие на вид, но сам Бобёр отказывался в это верить и представлял их розовыми и пушистыми, с прекрасным голосом. Также его уверяли, что жабыя кожа выделяет

яд, но Бобёр мечтал встретить жабу и поцеловать её, чтобы всем доказать, что все это нетолерантный вздор и бездуховные сплетни.

Однажды, когда Бобёр предавался благообразным мечтам, сзади неожиданно раздалось зловещее урчание. Казалось, сама преисподняя изрыгнула этот звук. Подскочив на месте, он развернулся прямо в воздухе, чтобы увидеть воочию посланницу ада, не иначе.

– Глокая куздра! – в сердцах вскричал благочестивый Бобёр, – Раскудрить ерыгу! – добавил он, обнаружив себя сидящим на ветке ивы.

Как вы понимаете, это и была жаба.

Около недели ушло на уговоры самого себя, что внешность обманчива, и что все кругом ошибаются насчет ядовитости этих несчастных земноводных.

Наконец, Бобёр решился.

Без лишних слов он быстро подошел к жабе и поцеловал её.

Придя в себя через пару часов, Бобер ощущал себя, как будто на нем ездил медведь. Сам медведь всё отрицал и уверял бобра, что он ещё счастливо отделался, кивая на бэд-трип Ивана-царевича.

И с той поры Бобёр старается, как минимум, учитывать чужой опыт.

Одна рыба начала стесняться своего происхождения и окружения, поэтому она залезла на дерево, где и сидела среди белок, пока не засохла.

Однажды в результате политических процессов к власти в лесу пришёл Павлиан. Правил он мудро и осмотрительно.

Как-то раз померкло солнце. Павлиану доложили, что его проглотил Крокодил. Правитель хотел, было, запретить Крокодила, но задумался. Крокодил был неуступчив, а зубы его были весьма остры. Так и до лесных волнений недалеко.

Рассудив, что спокойствие и стабильность зверям нужнее, Павлиан запретил солнце. А звери подивились силе верховных указов, которые действовали не только на земле, но и на небе.

Шестнадцать аристократичных белок задумали устроить тайное оппозиционное общество. Сказано – сделано. Назвались одиозным клубом.

– Почему – одиозный? – спросила белка-поэтесса.

– Ма шери, – ответила другая белка, – но это же абсолютно очевидно с точки зрения математики.

Никто ничего не понял, но все согласились. Собирались втайне от всех, тщательно соблюдая конспирацию. Тем не менее, Павлиан узнал о том от птиц. Выяснив, что главным занятием белок было курить сигары и играть в шахматы, царь зверей успокоился, но наружное наблюдение с неблагонадёжных аристократок не снял.

Радея о судьбах обитателей леса, одна из белок решила на манифест об искренности закона и о том, есть ли место истине во всеобщем многословии.

Просидев над листом бумаги пару часов, она приятным почерком вывела следующее:

«У нас сверху блеск, снизу гниль».

Дальнейшее сидение ни к чему не привело, белка потеряла терпение и решила, что общая мысль, в принципе, ясна. После чего ночью, таясь, вывесила манифест на поляне.

С утра весь лес был на ушах. Пришёл и Павлиан, которому доложили. Прочитал, одобрительно хмыкнул и приказал оформить листок в рамку и под стекло.

Белка-поэтесса задумала стихотворную славу, но Муза так и не пришла. В отчаянии белка решила спиться, а под утро, подняв тяжёлую голову, продекламировала:

*Весенний лёд
Куда-то прёт.
Меня ведёт,
Весь мир плывёт.
Похмелье долго не пройдёт...*

После чего уронила голову и уснула. Павиану, понятно дело, доложили, и он целый день думал, что запретить: алкоголь или белок? Психанув, запретил стихи.

Белка из числа Шестнадцати открыла в себе талант живописца и написала закат в модернистском стиле. Все звери пришли посмотреть на картину, явился даже Крокодил, проглотивший солнце.

– Это же Павиан, – сказал он, – только под другим углом.

И уполз обратно. Самому царю зверей работа очень понравилась, и он повесил её в своих личных покоях.

Одна белка решила заняться золотыми приисками. Дело прибыльное и серьёзное. Обсудив с остальными членами одиозного клуба, белка начала поиски с жилища Павиана, пока он обходил свои владения. Но никакого золота у царя зверей не оказалось. Зато там обнаружилась шкурка с мехом какого-то небольшого зверька.

Это внушило белке умеренные верноподданические чувства и долю презрения к губительному металлу.

Задумали белки войну. Долго выбирали противника. Остановились, было, на совах.

– Погибнем же в неравном бою, покрыв себя вечной славой! – воскликнула белка-кавалергард.

Задумавшись о масштабах и здравом смысле, остальные участницы кампании посоветовались и назначили на роль неприятеля белых медведей, которые на битву так и не явились, навеки покрыв себя позором.

Один петух спяну уснул на курином яйце. С утра из-за этого случился переполох, и его обвинили в колдовстве, поскольку всякий знал, что от яйца, снесённого петухом, добра не жди.

Так и сожгли бы петуха на костре, если бы не белки, выкравшие яйцо раздора. Петуха отпустили за недостатком улики, а яйцо как вещдок было съедено, несмотря на пост, ибо сам, оскормясь, погибай, а ближнего от Инквизиции спасай.

Медведь выступил с сенсационным заявлением об инопланетянах. По его словам, его приглашали в межзвёздный корабль и склоняли к тому, чтобы улететь на другую планету.

Лесной народ разволновался, гадая, как всё это повлияет на иерархическое устройство звериного сообщества. Поэтому Павиану пришлось запретить употребление в пищу мухоморов.

Узнав слухи о высадке человека на Луне, белки устроили дебаты. Одним казалось, что это лишь мистификация, другие, напротив, уверяли, что отчётливо видят на небесном светиле человеческий лик. Дело чуть было не дошло до дуэли, но белка-поэтесса, прошептав непонятное: «Двадцать шесть их будет, двадцать шесть», вмешалась и напомнила, что их общим врагом является обезьянья деспотия.

Аристократки успокоились и договорились считать лунную рожу происками Павиана.

Белка-живописец как-то раз написала портрет Павиана и повесила его в туалете. А на вопросы подруг отвечала так:

«В минуты затруднений мне всегда приятно ощущать поддержку царственной особы».

В целях повышения престижа верховной власти, Павиан основал высочайшее аристократическое общество, куда включил обезьян и наиболее благородных зверей.

Вскоре многие стали спрашивать белок, почему они не подадут прошение о включении их в общество.

– Пусть лучше спрашивают об этом, чем будут вопросы, что мы там делаем, – гордо ответили белки-оппозиционерки.

Однажды звери увидели, что Павиан употребляет в пищу мухоморы.

– Как же так, о светлейший? – недоумённо спросили они. – Ведь ты сам запретил их есть.

Павиан пришел в ярость и рявкнул, оскалив страшные клыки:

– Законы пишутся для подчинённых, а не для начальства!

Узнав, что обезьяны на сбор плодов тратят слишком много времени, белка-изобретатель придумала для них корзины-рюкзаки. Работа закипела, и благодарные обезьяны донесли о том до царя.

Павиан внимательно рассмотрел дело и назначил белке штраф в сто орехов за то, что она не изобрела такую корзину раньше и тем виновна в напрасных расходах обезьяноресурсов.

Белка плюнула и решила переквалифицироваться в юристы.

Белке-поэтессе никак не удавалось написать гениальную поэму. Узнав, что у Байрона было четыре гуся, которые ходили за ним повсюду, она поняла, что делало человеческого поэта гениальным.

Подкупив нужное количество гусей, белка стала центром внимания, её популярность возросла настолько, что Павиану пришлось усилить наружное наблюдение за одиозным клубом Шестнадцати.

Поэма, так и не была написана, впрочем, на популярности поэтессы это никак не сказалось.

На белку-живописца снизошло вдохновение, и она изобразила эпичную сцену похищения белок гигантским летающим орехом. Похищенные радостно левитировали в раскрытое фундуچه нутро, остальные толпились в очереди и с надеждой тянули лапки, ожидая неземного блаженства.

Картина по обычаю с утра была вывешена на всеобщее обозрение, а вечером Павиан интересовался у помощников, скоро ли уже этот орех прилетит за оппозиционно настроенными белками?

Узнав от кого-то, что ось Земли сильно наклонена, шестнадцать умных белок догадались, что всему виной полярные медведи.

Свои, то есть, бурые медведи, решали проблему зуда в спине посредством чесания о деревья. А откуда взяться деревьям в Арктике? Стало быть, трутся о земную ось, вот и погнули сдуру.

Планету нужно было спасать, поэтому отважные белки вторично объявили войну белым медведям, о чём уведомили их письменной декларацией, вывесив листок на поляне.

Лемминги впали в отчаяние, представив последствия, и хотели, было, сброситься со скалы, но передумали и начали строить планы уничтожения военной декларации.

Павиан слабо верил в возможность военных действий на территории вверенного ему леса, но бесстрашие Шестнадцати внушало беспокойство. Поэтому царь отменил штраф в сто орехов для белки-изобретательницы, имея в виду также и тот факт, что она к сборам фундука так и не приступала.

«Дайте мне точку опоры, и я переверну мир! © Архимед» – такой плакат повесили оппозиционные белки на поляне глубокой ночью.

Утром Павиан, подумав, издал указ: «Отказать Архимеду в просьбе ввиду опасности его предприятия».

Белки в шутку придумали новую религию и назвали ее Зорроостризм. Повсюду, где только можно, они оставляли знак «Z», царапая кору и камни.

Павиан всполошился и созвал обезьяний совет, который запретил лесным жителям замечать опасный знак.

Собрал Павиан обезьяний совет и поставил перед ним задачу – расписать его генеалогическое древо так, чтобы он происходил от самого короля Артура.

– Повелитель! Но ведь историю изменить нельзя! – воскликнули обезьяны.

– А за что я вам тогда плачу? – справедливо заметил самопровозглашенный царь зверей.

Белки распустили слух, что медузы сделаны из желатина и мороженого. Крокодил сдуру сожрал одну из них и орал так, что солнце выкатилось из его брюха и улетело назад на небосвод.

Пока белки праздновали победу, Павиану пришлось срочно разрешить солнце специальным указом.

Крокодил был ужасно зол на одиозных аристократок, но они сидели на ветвях, держась от него подальше.

Солнце тоже старалось впредь не опускаться низко к воде и теперь вставало и садилось, пользуясь кронами деревьев.

Однажды Павиан задумал покончить с клубом Шестнадцати, уличив их в непочтительном отношении к королевской особе. Для этого он, окружённый обезьяньей гвардией, зашёл к белкам в самый разгар заседания одиозного клуба.

Белки выронили сигары, расплескали виски и засуетились, организовывая место, на которое должен был воссесть царь зверей. Для этой цели целых три стула были водружены один на другой, поскольку, как уверяли аристократки, таким образом подчёркивается высота царственной персоны.

Польщённый, Павиан взобрался на эту пирамиду, но вскоре рухнул оттуда к всеобщему смятению и панике.

– О повелитель! – обратилась к правителю самая рассудительная белка. – В нашей ничтожной обители не нашлось мебели, достойной тебя!

И раздосадованному Павиану не оставалось ничего другого, как уйти несолоно хлебавшим.

В ответ на новейшие генеалогические изыскания о происхождении Павиана от короля Артура клуб Шестнадцати разработал теорию о происхождении Пендрагонов от валлийских белок. Тезисы были представлены на суд лесных жителей, будучи записанными кельтским

руническим письмом. Руны подозрительно смахивали на беличьи хвосты, но возразить было нечем, поскольку специалистов не нашлось.

Обезьяний царь смекнул, что на Артуре свет клином не сошёлся и замял генеалогическую задумку. Вместо этого Павиан объявил себя вечным отцом лесного народа, сыграв на созвучии Раріо и папы. И, прослезившись от умиления, радовался, что переиграл белок.

Однажды, когда звериные грехи, очевидно, переполнили всё, что можно было переполнить, в лес пришёл Медоед.

– Эй, Барсук, ты что, облысел, что ли? – спросили, на свою беду, волки, проходя мимо.

– Болонкам слова не давали! – отозвался оскорблённый Медоед и кинулся драться.

Придя в себя, облезлые волки пожаловались львам и привели их на следующий день с собой.

– Это что за скунс? – опрометчиво поинтересовались львы.

– Я вам сейчас, кошки драные, рыжие-то патлы пооборву! – злобно пообещал Медоед и обещание своё выполнил.

– Это ты, подлая ящерица, солнышко глотала? – задумчиво спросил этим же вечером Крокодила поцарапанный Медоед.

– Они, – подтвердили обезьяны, сидя на ветках.

– Никуда не уходите, – мрачно сказал задира, – вы мне тоже не нравитесь.

– А из тебя, шланг на ножках, – обратился Медоед к недоумевающему Крокодилу, – я сейчас сделаю Уробороса.

И сделал. Понаехавшего хулигана не брал яд ни змеиный, ни пчелиный. Орёл лечил клюв, кабаны искали протезиста, обезьяны боялись ходить по земле, медведи заново залегли в спячку, а Павиан уехал в Швейцарию по каким-то очень важным делам.

Тогда белки пригласили Медоеда в гости, угощали виски с сигарами и рассказывали о настоящих свирепых воинах с севера, закалённых во многих битвах.

Белка-живописец представила портрет белого медведя в сияющих доспехах, а белка-поэтесса продекламировала стих собственного сочинения:

Злой медведь ползёт на берег,

Точит свой кинжал.

Заинтригованного Медоеда белки утром проводили до границ леса, подарив на прощанье золотой компас, указывавший строго на Арктику.

Никто не слышал их разговора, поэтому все решили, что Медоед был изгнан бесстрашными аристократками.

Вернувшийся Павиан сделал вид, что ничего не произошло, но к одиозному клубу старался не цепляться. Так, на всякий случай.

Однажды Павиан узнал об идее делать золото из свинца и понял, что это его шанс стать царём не только всех зверей на планете, но даже и людей.

Был издан высочайший указ, суливший тому, кто осуществит древнюю идею, достойную пенсию и налоговые каникулы.

Белка-химик, раздобыв где-то реактивы и пробирки, взялась за работу. Спустя неделю, позабыв о золоте и награде, она с увлечением рассказывала подругам о свойстве таллия, соседа свинца по периодической таблице, замещать своими одновалентными ионами калий в клетках живого организма.

– Ну, скажем, к примеру, обезьяньего, – воскликнула белка, отчего секретная сотрудница обезьяньего сыска чуть не свалилась с дерева.

– А потом просто праздник какой-то, – продолжала влюблённая в биохимию аристократка. – Представьте: блокируется натрий-калиевый АТФазный насос, повреждаются струк-

турные белки, а это в свою очередь вызывает функциональные нарушения нервной системы. Бах – и смерть! Полграмма всего-то. Солевой раствор всасывается через кожу, как орех разгрызть! И это я ещё не поняла про его связь с апоптозом...

Белка ещё не закончила свой рассказ, а Павлиан в это время уже переносил свою резиденцию на вершину неприступной скалы, проклиная последними словами алхимию, биохимию, белки и белок.

Одиозный беличий клуб на очередном заседании выработал положение о создании независимого СМИ «Лесной источник добрых новостей».

Первый экземпляр новостной ленты был представлен широкой публике на поляне в виде листа бумаги, на котором было написано следующее:

«Внимание! Экстренное сообщение! За прошедшие сутки:

Ни одна обезьяна не совершила ни одного преступления против лесного сообщества!

Наш августейший государь никого не казнил!

Ни один чиновник не украл ни одного ореха!

Крокодил не проглотил ни одного небесного светила или планеты!

Ни один лесной житель не дал ни единой взятки!

Читайте и не говорите, что не видели!»

Павлиан собрал внеочередное совещание, но повода запретить беличье СМИ так и не нашлось.

Однажды над лесом появилась большая хвостатая комета, приведшая всех в замешательство.

Лемминги увидели в этом знамение грядущих бед и начали паниковать.

Львы стали осторожно поговаривать о возможной смене власти. Ну как – смене? Не то, чтобы они были готовы сменить власть. Но ведь она может как-то сама собой поменяться, правда?

Обезьяны с подачи Павлиана пошли науськивать Крокодила, чтобы он ту комету проглотил, но тот ещё не отошёл от знакомства с Медоедом и хорошо помнил вкус собственного хвоста в пасти.

Птицы отнеслись к комете с недоверием, и на всякий случай облетали её стороной.

Сильный ветер, бывало, как следует раскачивал комету, и многие боялись, что она рухнет и раздавит всех обитателей леса.

Белки же сделали вывод, что большинство лесных жителей не готово к высокому искусству и ночью демонтировали инсталляцию.

Белка-поэтесса, желая большей известности, приобрела себе стильный шарф и шляпу для задумчивых прогулок вдоль ручья. А поскольку в лесу так больше никто не одевался, белка вскоре стала самой популярной.

Одна белка в качестве социального эксперимента покрасила левое ухо белой краской и так расхаживала по лесу. Всех вопрошающих о том, почему у неё белое ухо, она вносила в специальный блокнот, и отвечала неизменно одно и то же:

– Чтоб дураки спрашивали.

Однажды Павлиан решил выяснить величину своих владений. Но поскольку производить замеры ему было лень, то объявил, что щедро наградит того, кто придумает самый эффективный способ.

Тогда белка-изобретательница заявила, что нужно собрать всю паутину в лесу. Царь зверей отдал приказ, и все обезьяны кинулись исполнять повеление. Спустя несколько дней огромный моток паутины красовался на поляне. Павлиан призвал белку и при всех лесных жителях поинтересовался, что делать дальше?

Белка чиркнула спичкой, и паутина мигом сгорела.

– Ну и каковы же размеры моих владений? – спросил повелитель.

– Да я, собственно, без понятия, – отвечала белка, – но зато теперь в лесу стало чуточку чище.

Белка-живописец устроила выставку портретов. Пришли также и волки, осмотрели работы и, как санитары леса, заявили, что звери на её картинах вызывают большие сомнения с точки зрения анатомии.

– Тем не менее, мои работы будут жить значительно дольше, чем ваши так называемые пациенты, – парировала белка.

Одиозные белки построили эбонитовую горку на опушке, которая моментально стала популярной. Все звери катались и прославляли великодушных аристократок.

А белки теперь сидели в своём штабе при свете лампочек и прославляли конденсаторы и статическое электричество.

Однажды в лесу перессорились все птицы, споря, каким концом кверху должны лежать яйца в гнезде: тупым или острым. Дело почти дошло до драки, как вмешались белки.

– Сдайте все ваши яйца нам, и мы установим истину, – заявила белка-изобретательница, занимавшаяся юридической практикой.

Птицы подумали и сделали, как было сказано. Спустя несколько дней они прилетели к беличьему штабу за ответами.

– Что сказать? Яичница оказалась одинаково превосходной из тех и других яиц, – резюмировала изобретательница. – В общем, тут нет абсолютно никакой разницы!

Птицы задумались и более никаких споров не устраивали.

Павлиан издал указ, чтобы в его присутствии все представители семейства кошачьих прятали когти. Гепарды огорчились, поскольку не обладали способностью втягивать когти, на что им было рекомендовано покинуть лес.

Узнав об этом, белка-философ заметила:

– Почему бы нашему повелителю не научиться прятать свой красный зад в присутствии быков?

Узнав о слухах, что фазанов трудно ранить, Павлиана осенило, что их перья можно использовать в качестве бронежилета, для чего он издал специальный указ о добровольной сдаче оперения в целях защиты государственных интересов.

Это постановление вызвало среди лесных обитателей определённое замешательство. Волки стали обсуждать, насколько легитимным будет съесть каждого фазана, не сдавшего перья добровольно. Сами фазаны задумались об эмиграции. Остальные птицы, в связи с этим, повесили на грудь таблички с надписью: «Я не фазан». А лемминги в панике просто начали бегать кругами.

Белка-психолог, подумав, саркастически заметила:

– А ведь Павлиана что-то гложет, но вот, что?

Другие белки не нашлись, что ответить и просто разводили лапками.

Белка-поэтесса в шарфе, шляпке и в сопровождении двух гусей прогуливалась по лесу, как вдруг увидела на ветке дерева ворону. В клюве у неё был кусок сыра. Остановившись, белка воскликнула:

Нет, не тебя так пылко я люблю!

Не для меня такое оперенье!

Люблю лишь виски, табака куренье,

А перья я доставлю королю!

– Да не фазан я, отстань! – каркнула ворона и обронила сыр, ставший добычей гусей.

Павиан разделил лес на четыре региона: птичий, водный, наземный и подземный, чтобы каждым из них управлял всенародно избранный представитель царской власти. И устроил выборы, само собой.

Придя на выборы, лесные обитатели лицезрели четыре шеренги обезьян и стояли, недоумевая, кого выбирать.

И только белки радостно скакали вдоль кандидатов наземного региона, вглядываясь в их одухотворенные морды.

– Чему вы так радуетесь? – спросили их.

– Радуюсь, что только одна из уважаемых обезьян победит, – был ответ.

Узнав о рибосомных белках от учёной подружки, пятнадцать одиозных белок, напившись виски, устроили гонки на сомах, заставив Павиана, в свою очередь, пить валерьянку.

Птицы после победы одной из обезьян на выборах спросили белок, как может обезьяна представлять их интересы, если она даже летать не умеет?

– Как бы то ни было, теперь ни одной птице не забраться так высоко, как она ни старайся, – мудро заметили белки.

Однажды медведь-пасечник нечаянно сел на улей, и тысячи неправильных пчел полетели выражать своё недовольство правым и виноватым. В связи со сложившейся ситуацией Павиан запретил «Лесной источник добрых новостей» во избежание паники и возможного распространения непроверенной информации.

В ответ белки на скале, где жил царь зверей, плавиковой кислотой за неделю вытравили надпись, ставшую впоследствии крылатой:

«Лучший способ борьбы со свободой слова – набитые рты подданных».

Белок однажды спросили, почему они так часто спорят между собой, тогда как между обезьянами всегда царит согласие.

– Всё дело в том, – ответила одна из аристократок, – что у глупых мысли всегда сходятся, а у умных – нет.

Поев мухомора, Павиан завел с зеркалом светскую беседу:

– Видите ли, коллега, лишь стоит дать подданным свободу, как они тотчас захотят равенства и братства. А там не успеешь оглянуться, как чернь отнимет у вас всё остальное.

Помявшись, он добавил:

– Так, к чему это я? Пчёлы! Нас спасут только пчёлы. Осталось лишь придумать, как сделать так, чтобы они жалили кого надо, а не как сейчас. Например, белок. Давно уже пора устроить им молчание ягнят в тряпочку. Эх, власть – тяжёлое бремя, которое легче нести лишь в одиночку!

Однажды у белок спросили, почему они не желают устроить революцию, коль скоро они недолюбливают Павиана?

– Все революционеры – бандиты и террористы, а чумой холеру не вылечить, знаете ли, – мудро заметили белки.

«В лесу две беды – обезьяны и их количество», – любили говорить белки.

Павиан собрал обезьян и приказал выяснить, что о нём думают подданные. Обезьяны же, не будь дурами, в свою очередь собрали овец и баранов, произвели опрос общественного блеяния и бодро отчитались о стопроцентной лояльности вожаку.

Глядя на выходы царя зверей, белки заметили:

– Если звери эмигрируют из леса в результате такой блестящей политики, Павиан рискует стать царём одних лишь обезьян.

Однажды Павиан провозгласил в лесу свободу слова. Белки, хоть и знали это слово, тем не менее, произносить его вслух не стали, потому что были очень воспитанными.

Однажды обезьяна, избранная представлять царскую власть у зверей, навестила беличий аристократический клуб и поинтересовалась, почему те, подобно прочим, не восхваляют всенародную избранницу, ведь она видит в этом проявление неуважения к высшей власти.

– Не подразумевая никакого неуважения, мы просто копим добрые слова на хорошую эпитафию, – ответила за всех белка-поэтесса. – Поверь, эту поэму будут разучивать наизусть.

Недовольная обезьяна, выйдя от белок, с горечью произнесла:

– Старая аристократия – это белая кость в горле общества.

Глядя, как лемминги жалко копошатся среди корней деревьев, выискивая жуков, Павиан воскликнул:

– Моё величие только такими ничтожествами и уравнивается!

На это белки заметили:

– Большие дела творятся трудами маленьких зверей, а меньшинство ничтожеств оказывается иногда подавляющим.

По заданию свыше обезьяна, представляющая интересы Павиана, посетила белок, чтобы предложить им карьерный рост в обмен на лояльность.

– Чем мельче зверь, тем крупнее его амбиции, мы же ни на что не претендуем, – сказали белки.

– Белка, конечно, – звучит гордо, но обезьяна – перспективно, – обиделась сановная обезьяна.

Павиан провёл ревизию съестных запасов и пришёл к выводу, что в лесу кто-то ворует. Создав верховный обезьяний суд, он объявил, что всякого лесного жителя ждут весы правосудия, и горе тому, кто, будучи взвешенным, будет найден лёгким!

Поразмыслив, белки изрекли:

– Коль скоро созданы весы правосудия, стало быть, у них имеются в наличии и соответствующие продавцы.

– Чем беднее зверь, тем свободнее он от реализации излишних потребностей, – однажды провозгласил Павлиан и повысил налоги.

В ответ белка-живописец нарисовала шестнадцать плакатов «Да здравствует Павлиан – самый заботливый из всех правителей!», и аристократки стали ходить с ними по лесу, громко славя царя зверей.

Павлиан сразу понял, что белки замыслили неладное и, пытаясь разгадать их план, повредился рассудком.

Поддавшись панике, Павлиан назначил одну из обезьян своей помощницей по делам белок. Надев маску дружелюбия, уполномоченная нанесла визит в одиозный клуб для укрепления взаимопонимания.

– Бал-бал-бал-бал, – приветствовали аристократки чиновницу, – бол-бол-бол-бол.

Обезьяна почесала голову задней лапой.

– Лок! Вок! Мок! Рок! – продолжали белки. – Лук! Лак! Лик! Лек!

«Дичь какая-то», – решила обезьяна и ушла ни с чем.

«Сложная это штука – взаимопонимание», – подумали оппозиционерки и продолжили заседание.

Павлиану надоело читать свои мысли, и он решил научиться читать чужие. Для этого он уселся напротив одной из обезьян и стал молча смотреть ей в глаза. Обезьяна занервничала и начала чесаться, а глаза её забегали.

«Замышляет против меня», – понял царь зверей и бросился на неё.

Несчастливая пустилась наутёк с жалобными криками. Остальные обезьяны поняли, что дело – дрянь, собрались и покинули лес.

– Так проходит слава мирская, – глубокомысленно заметили белки, глядя на нечаянное представление сквозь бокалы с виски.

А Павлиан забрался в своё жилище и заперся там, поскольку ему открылись злые помыслы своих бывших подданных.

Когда стало ясно, что Павлиан недееспособен, лесные обитатели собрались, чтобы обсудить, кто будет новым правителем. Много копий было сломано, пока не вмешались белки.

– Пусть царём станет тот, кто займет жилище Павлиана, – предложили они.

– Я на скалу не влезу, – возразил Крокодил.

– Замечательно! – откликнулись аристократки.

Львы, волки, медведи и прочие могучие звери также отказались лезть на скалу. Птицы, горные козлы и некоторые зверушки могли, но тут вперёд вышли лемминги и робко заметили:

– Но ведь Павлиан кусается.

– Именно! – радостно воскликнули белки. – В этом-то и вся соль!

Посоветовавшись, лесные граждане решили, что как-нибудь обойдутся вообще без царей.

– А как же Павлиан? – спросил Барсук.

– Пусть считает себя царём сколько влезет, а то жалко его как-то, – ответили оппозиционерки.

Бывший царь зверей вышел из своего жилища на обзорную площадку и сразу стал центром внимания свободных обитателей леса.

– Я вас всех насквозь вижу, – неуверенно сказал Павлиан.

Кто-то рассмеялся, и старый обезьян вздрогнул.

– А ты, Ваше Величество, спустись вниз и выведи нас на чистую воду, – смело предложили львы.

Павиан часто заморгал, потом вдруг распрямился. Его взор на какое-то мгновение приобрёл осмысленность.

– А я смотрю, внутри даже самого благородного зверя, всё же, прячется гнилой человекишко, – горько изрёк он и зашёл назад.

Белка-поэтесса задумала написать роман в двух частях. С месяц она продумывала сюжетные повороты и разрабатывала развитие персонажей. Затем аристократка взялась за перо, но, так и не написав ни одной строчки, отказалась от затеи.

– Отчего ты не стала писать? – спросили её подруги.

– Внезапно мне стало жаль детишек, которых потом заставят проходить мой роман в школе, – ответила сердобольная белка.

Как-то раз шестнадцать одиозных белок заметили тенденцию лесных жителей потешаться над умалишённым Павианом. Поймав львов за бросанием грязи в его хижину, аристократки укоризненно посмотрели на них и сказали:

– Невозможно изгнать из себя шакалов, потешаясь над мёртвым львом.

Львы крепко задумались, пытаются понять, оскорбили их или нет.

– Кто обидит бывшего царя, будет иметь дело с нами, – пригрозили белки и с того дня объявили себя, ко всеобщему недоумению, гвардейцами Павиана.

Однажды лемминги стали носить шапочки из фольги. Белки не преминули спросить их о назначении этой передовой технологии, на что получили ответ, что они-де, опасаются дистанционного воздействия на мозг, а так он не виден для злоумышленников.

– Сам мозг, само собой, не виден, но вот его отсутствие будет заметно и без шапочек, – заметили аристократки.

В штаб Шестнадцати заявили бараны и выразили обеспокоенность тем фактом, что волки стали наряжаться в овечьи шкуры.

– Это, несомненно, обескураживает, – подумав, ответили белки. – Теперь берегитесь, как бы они не начали рядиться пастухами.

К белкам пришла делегация зверей и пеняла им на бездействие. По мнению лесных обитателей участницы одиозного клуба должны были не только курить сигары и пить виски, но и формировать гражданскую позицию, участвовать в политической жизни, заниматься социальными вопросами и многими другими общественно-значимыми делами. Белка-поэтесса выдохнула дым красивыми колечками и предложила:

– А давайте мы Медоеда в лес вернём, чтоб не так скучно было.

Звери почесали головы и удалились. И больше они к белкам не приставали, вернувшись каждый к своему прежнему занятию.

Раб Божий Акакий бесил всех женщин, с которыми жил. Спустя год после последнего расставания, он заскучал от одиночества и принял решение нести подвиг юродства. Не на работе, конечно, а в храме. Вернее, в женском монастыре. Сперва Акакий хотел симулировать синдром Туретта, но побоялся быть изгнанным на паперть. Решение подменять матерную брань эвфемизмами пришло как-то само собой. Он подкрадывался во время службы к монахиням помоложе и выкрикивал разные подозрительные слова. Монахини краснели и усиленно молились за несчастного. Духовенство морщилося, но связываться с болящим не желало. А

игуменя Акулина не могла определиться, что выбрать: благочиние на службах или возросшую популярность монастыря в связи с собственным юродивым.

Так продолжалось до тех пор, пока в обитель не прибыл отбывать месячное наказание некий протопоп по прозвищу отец Пью. В этот раз наказан он был за то, что по пьяни подрался со своим настоятелем. Заступив в череду, он сейчас совершал каждение на «Господи воззвах», задыхаясь от дешёвого ладана сорта «Смерть попам».

Акакий подкрался к нему сзади и выкрикнул одну из своих любимых фраз.

Отец Пью замер, не веря своим ушам и медленно повернулся к юродствующему, попутно бросив взгляд на умилённых прихожан и монахинь. Оценив нездоровье обстановки, отец Пью вопросительно хмыкнул.

Акакий привстал на цыпочки, заискивающе глянул в опухшее лицо священника, захлопал руками по бёдрам и торжественно провозгласил ещё один крайне сомнительный перл.

Отец Пью переложил кадило в левую руку, взял Акакия за грудки и сухо осведомился:

– Ты чё, ***, совсем того?

Раздался глухой звук падения молодого монашеского тела в обморок. Акакий судорожно вдохнул и мелко-мелко заморгал.

– Какая ещё щука? Я, ***, тебе покажу щуку! Ещё раз услышу, звездану кадилом! – убедительно добавил отец Пью.

После этих слов ещё две монахини потеряли сознание. Протопопу продлили наказание ещё на две недели, зато Акакий с того дня перестал юродствовать.

Одного физика остановил оборотень в погонах за разворот на перекрестке, где был запрещён поворот налево.

– Разворот – это два левых поворота! – строго изрёк поборник зла.

– Да Вы, батенька, никак, адепт идеи временно-пространственной дискретности? – изумился учёный.

– Чего? – не понял адепт идеи отбора денег у водителей.

– Согласно Вашей логике, движение прямо – это четыре левых поворота, друг мой, – констатировал завлаб.

– Как это? – попытался сообразить жезлоносный атомист.

Тяжело вздохнув, физик расквантовал собеседника на корпускулы и поехал дальше.

Когда Анна впервые появилась в Одигитриевском храме, у отца Никифора сразу как-то ёкнуло сердце. И вовсе не только потому, что она была яркой красавицей. Этого добра на Руси никогда не переводилось. Просто что-то в ней настораживало опытного пастыря, но вот, что именно – он никак не мог сформулировать.

Она улыбалась. Искренне, часто и легко. Улыбка без особых причин – явление нередкое среди болящих восторженных неофиток. Таких отец настоятель вычислял с полувзгляда. Их можно было ставить на любые послушания кроме помощи батюшке на дому, конечно же. Этот вид церковно-приходской эксплуатации требовал чёткого соблюдения возрастного ценза: 60+. А несоблюдение было чревато разными проблемами.

Анне было 35, но выглядела она лет на десять моложе. Стройная, одета неброско, но со вкусом, даже с неким изяществом. Не замужем, без детей, но держалась с куда большим достоинством и спокойствием, нежели сама матушка Пелагия – многодетная попадья благочинного. Анна не умела смотреть на мужчин оценивающе, словно Катерина Тихомирова на Гошу, она вовсе не желала найти себе пару и даже не пыталась чем-либо занять себя на приходе – зеленоглазая прелестница просто раз в неделю приходила помолиться и причаститься. Она всегда стояла в сторонке, но где бы ни встала, именно туда как-то сам по себе и перемещался центр храма. Даже юные пономари глазели на Анну, раскрыв рты.

Бабушки первое время пытались найти, как докопаться до новой прихожанки: а ну как чего-то не знает, не соблюдает. Но, приехавшая из отдалённого уголка нашей необъятной Родины, молодая женщина вела себя безупречно с точки зрения любой из бабуль. Ни одеждой, ни поступком, ни веждама помаванием Анна так и не подала никакого повода обвинить её в чём бы то ни было.

Тем не менее, отец Никифор сразу понял, что с ней что-то неладное. Её исповеди не запомнились, поскольку не содержали абсолютно ничего интересного. Ни тебе блудных помыслов или нарушений поста, ни пакостных родственников или сослуживцев, никаких жалоб или недоумённых вопросов. Максимум, рассеянность на молитве. Даже поймать на ереси её так и не удалось. А ведь он – бывший преподаватель догматического богословия, у которого никто никогда не получал оценки выше тройки.

А ещё Анна абсолютно спокойно реагировала на персону отца Никифора, статного блондина с внешностью конунга Рагнара. А это уж точно было ненормально, поскольку батюшка был звездой православного Ингосграма, да и молитву имел крепкую, действенную.

Однажды во время чтения кафизм отец Никифор наблюдал за Анной сквозь дырочку в массивных Царских воротах, и вдруг его осенило: независимость! Сформулировалось, наконец. Вот он – корень зла! Эта женщина вела себя так, словно ей ни от кого ничего не было нужно. Ну вот, просто совсем. Ни одобрения от людей, ни чего-нибудь от Бога. Она никогда ничего не просила – только благодарила и непрестанно радовалась жизни.

Как будто у неё уже всё было: здоровье, счастье, успех, деньги, всеобщее уважение, одобрение и любовь. Более того, она как будто не переживала, как пройдет для нее Страшный Суд. Казалось, этот вопрос был уже решён положительно и озвучен ей заранее.

Страшная догадка коснулась ума отца настоятеля, и он, повинувшись внезапному наитию, выбежал из алтаря и резким движением дёрнул Анну за волосы, срывая с неё не парик, не маску – фальшивую человеческую кожу.

Так и есть – пред честным православным народом стояло, ранее притворявшееся человеком, ужасное инопланетное существо, от неожиданности коалесцирующее субзёрнами хромосфер всех своих подчелюстных ложноножек.

Один ученик спросил учителя:

– Мой сосед утверждает, что спит с чужими жёнами и чувствует себя прекрасно. Почему так?

Другой ученик возразил ему:

– Я вот, вообще не сплю ни с кем и тоже прекрасно себя чувствую.

Тут вмешался третий ученик и сказал:

– Я читал про человека, который спал только со своими жёнами. Кажется, он тоже чувствовал себя прекрасно.

Учитель на это ответил:

– Что тут скажешь? Человеку свойственно чувство прекрасного.

И все подивились мудрости учителя.

Воспитанием семинаристов занимались два суровых клирика, которые самоотверженно свидетельствовали о недопустимости курения для будущих пастырей. Семинаристы же не очень верили священнику и дьякону, поскольку доподлинно знали, что воспитатели курят сами, тщетно надеясь на несбыточность немецкой поговорки о знающей свинье, да на русских-то просторах. Поэтому курить мальчишки бегали за стены духовной школы. Где их, само собой, видели прогуливающиеся граждане.

Точку в этой истории поставил отец проректор в виде курительной урны в беседке на территории семинарии:

– Курите тут. А кого поймаю за оградой – отчислю.

В компании проректора семинаристам дымить было не комильфо, поэтому те, кто побогаче, ходили в ближайшую кальянную, а тем, кто победнее, пришлось завязать с этим делом аж до самой хиротонии.

В одну обитель поступил бывалый послушник. Его маршрут хождения по монастырям давал фору всем миссионерским путешествиям апостола Павла. Поэтому послушник доподлинно знал, где монашеский устав такой же, но с перламутровыми пуговицами. О том, как всё прекрасно устроено в иных обителях, он непрестанно рассказывал настоятелю и братии.

По всему выходило, что все настоящие монахи собрались в каких-то других монастырях, а тут остались сплошь подонки общества.

– От них же первый есмь аз, – с араμισовым выражением лица смиренно добавлял тот послушник.

В конце концов монахи напоили послушника хорошим коньяком, выслушав упрёки, что он-де пахнет клопами. А когда тот уснул, отнесли его к речке, уложили в лодку и хотели уже оттолкнуть от берега, как вдруг услышали сзади властное покашливание.

То был отец Тигрий, настоятель.

– Вы что творите, ироды? – сурово спросил он.

Братья потупили взоры и засопели.

– Вы христиане или где? – продолжил игумен. – Да за него на Голгофе кровь лилась! Думаешь, твоя?

Монах, к которому был обращён последний вопрос, замотал головой.

– Или, может быть, твоя, нет? – заглянул настоятель в глаза другого брата. Тот вместо ответа бухнулся в ноги игумену.

– Человек покидает нашу чёртову обитель навсегда, а вы ему еды в дорогу не собрали? Позорище!

Двое монахов со всех ног бросились в трапезную и принесли всякой снеди. Разложили вокруг спящего послушника и вопросительно взглянули на настоятеля. Тот кивнул.

Легкий ветерок разглаживал прибрежный камыш, лунный луч скользил по воде далеко-далёко. Лодка, покачиваясь на белёсых волнах, медленно удалялась от берега, а отец Тигрий благословлял её вослед, утирая скупую мужскую слезу.

Отец Пью, выйдя на проповедь, сказал:

«Господь являет чудо богатого улова апостолам. А их лодки чуть было не утонули от количества рыбы. И ведь это апостолы, а не абы кто.

Пойду ли просить у царя золота с ветхим мешком?

Порвётся, точно порвётся по дороге домой. Просыплется богатство на радость бродягам. Приду домой, и вот, нечем оплатить за коммуналку.

Тогда вымолю должность себе поважнее. Даст царь и это, не оскудевает щедрость его. Вот только навыки мои – рыбацкие. Казну считать не обучен, нежные нервы в дворцовых интригах не закалены, не готов я, нет. Раскусят меня, обведут вокруг пальца, должности лишат, а то и жизни.

Чего бы ни просил я себе у Царя царей, всё потребует подготовки и совершенствования. Не потому ли, порой, Он как будто не слышит некоторых моих просьб? Знает, что утонет ветхая лодка моя вместе со мной?

Пойду, сошью себе новый мешок, покрепче старого. Мышцы тоже неплохо было бы подкачать. Золото – металл вовсе не из лёгких. Многие надорвались. Аминь».

Прихожане покачали головами и сказали:

– Видимо, лишнего вчера употребил батюшка.

А игуменя Акулина обрадовалась и пошла менять сейф с деньгами на новый – покрепче.

Один совестливый дядька был избран депутатом. Пришёл он на работу, а там все спят, да в тетрис играют. Смутился дядька и начал готовиться к заседаниям. Ну, там, информацию всякую читать в интернете о ситуации в стране, аналитику заказывать у экспертов.

Захватило его это занятие, и стал он регулярно микрофон требовать. Выступать чтоб с критикой и предложениями. Ему дали. Потом даже тот микрофон включать стали, потому как говорил совестливый дядька занимательно, складно, а главное – подолгу. И ведь всё по делу.

Так его потом и прозвали – Птица Говорун. Хороший такой дядька был, совестливый.

Один добрый пастырь в порыве любви к людям освятил на Богоявление за мзду целый плавательный бассейн.

– Во Иорда-ане, – пел он, погрузив в воду крест, а у самого по густой бороде текли слёзы умиления.

А на епархиальном собрании он обличил подлого собрата, который вероломно вовлёк студентов в изготовление плюшевых свинок. Всё бы ничего, но по китайскому календарю был год свиньи. А потом этих свинок раздавали детям в больницах, подрывая устои Православия.

– Как же так, Владыка? – задыхаясь от любви к деткам и студенческой молодежи, рыдал вещей поп.

Свинский собрат подвергся публичному порицанию, ибо следить за китайским календарём всякого пресвитера обязывает православная совесть.

А на следующий год любвеобильного пастыря все зачем-то поздравляли с годом крысы. Вот ведь какая страшная зараза проникла в нашу Церковь!

Услыхав о Вифлеемском огне, ученики спросили о нём учителя. Тот долго молчал, притворяясь спящим, затем, всё же, открыл глаза и сказал:

– Не хотел говорить вам о том раньше времени, но есть особые элементы века сего: Вифлеемский огонь, Мёртвая вода и Акелдамская земля. Элемент же воздуха скрытым пока остаётся от человеческого ума, и его временно заменяют Иерихонская медь и Гергесинское сало. Только тс-с!

И приложил палец к губам.

Один состоятельный человек заболел и пригласил к себе домой пресвитеров церковных, дабы они его пособоровали. Собрались пресвитеры, глядь – а их целых восемь. А чтений апостольских семь. И евангельских тоже семь. И молитв разных тоже семь. Что делать?

Восьмой пресвитер был человеком не то, чтобы неглупым, но сообразительным, и предложил следующее: он читает на выбор какое-нибудь апостольское зачало, потом случайное евангельское.

– А молитву сам придумаешь? – дружелюбно поинтересовался первый пресвитер.

– Почему бы и нет? – не растерялся восьмой, – Те молитвы, что часто рассылают циркулярами, тоже не святые отцы писали, знаете ли.

– А помазывать маслом надо же семь раз, – воспротивился третий.

– Сакральное число, – закивал седьмой.

– Восемь – тоже хорошее число, – заупрямился восьмой.

Посоветовались семеро и просто вытолкали его взащей. Чтоб не умничал и не портил священное число своей неуместной восьмёркой.

Отцу Тигрию сообщили, что новоначальный монах странно себя ведёт в собственной келье. Братья затруднились в формулировках, но были явно смущены.

Не в правилах настоятеля было подслушивать, тем не менее, он, встав у двери, напряг свой слух.

– Господи, слава Тебе за красоту фрактальной геометрии, за свечение азота и кислорода в полярном сиянии, за биолюминисценцию и пустынные миражи, за коронные разряды огней святого Эльма и пение колец Сатурна, за гейзеры и водопады, текущие вверх, за Глаз Сахары и Шоколадные холмы, за китов, пингвинов и бессмертную медузу. Спаси, Господи, и помилуй раба Твоего Александра Пушкина за его стихи, помяни и всех славных поэтов и писателей, что умягчили сотни тысяч сердец человеческих.

– И раба Твоего Гервасия Псальмова упокой, Христе Боже, – прошептал игумен, кандидат филологических наук, уже стоя на коленях под дверью кельи.

– Помяни, Господи, рабов Твоих Марка Нопфлера за его гитарное мастерство, боголюбивого Иоанна Златоуста Моцарта за его музыку вкупе с Бахом, Бетховеном и Вивальди, священником латинским...

Потихоньку встав с колен, отец настоятель перекрестился и на цыпочках удалился восвояси, задумавшись о тех вопросах, что стоило не забыть спросить у Бога при встрече.

С утра в алтаре происходила какая-то сумятица. Из благочиния прислали высочайший циркуляр и стопку бумаг. Запыхавшийся настоятель объявил, что всем должно подписать петицию. Дьякон метнулся устанавливать на амвоне складной аналой с высочайшим текстом. Мальчишки-пономари отправились к старосте за пластиковым тазиком с шоколадками – раздавать прихожанам за подписание. Отцу Пью подумалось, что это – излишняя трата, поскольку было понятно, что и так подпишут. Приоткрыв дверь дьяконских врат, он впустил в святая святых ручейки речей:

– Батюшку-то нашего златоуста сатаной назвал!

– Это которого по Спасу показывают?

– Его, родненького.

– Как не стыдно?!

– И отца Мизогиния, и отца Логорея – и в хвост и в гриву пропесочил ни за что.

Через пять минут протопоп был в курсе всех треволнений. Матушке Акулине был вменён в грех её собственный портрет, вывешенный в монастырской трапезной в ряду преподобных отцов. Депутату Клептоманову было отказано в визите на званый ужин. Владыка Мизантропий получил выволочку за то, что в гневе пробил своему протодьякону ногу посохом. Ну, не убил же. Досталось, по большому счету, всем уважаемым людям.

Вскоре настоятель вышел на амвон и зачитал текст петиции, которую всякий, кому не безразлична судьба Отечества и Церкви, обязан был подписать. По всему выходило, что Христос должен был быть распят. После настоятеля слово взял казачий атаман Дисфориев, особенно возмущённый отказом Христа благословить бить Его же собственных врагов.

Пошли подписывать. Десятилетний пономарь Феофил пискнул, было, что он не желает участвовать в распятии Христа, но старший иподьякон Копропракс жестами показал, что, по его мнению, следует делать с непослушными маргиналами. Феофилу сделалось дурно, и его тут же увела домой испуганная бабушка, пригрозившая расцарапать всем хари. Связываться с ней никто не стал, ясное дело.

Пошёл подписывать и отец Пью. А как иначе, ведь лишиться креста совсем не хотелось. Кто он без креста? Никто. Авторучка почему-то не писала. Покрывшись испариной, протопоп разобрал её и под пристальным взглядом общественности начал дуть в стержень. Дул он настолько прилежно, что потерял сознание, а когда пришёл в себя, обнаружил, что лежит в собственной постели и пытается нашарить будильник.

Сон, стало быть. Вытерев пот со лба, отец Пью сказал:

– Господи, слава Тебе, что Ты пришел к евреям две тысячи лет назад, а то срам-то какой был бы!

Своевольные жители уездного города N-ск издавна не привыкли ломать шапку перед всяким барином. Что вызывало справедливое негодование всякого барина. Тогда в качестве консенсуса было принято беспрецедентное дипломатическое решение – не носить шапок во веки. Даже зимой.

Прошло время всякого барина, а привычка в уездном городе N-ск осталась. На горе шляпных дел мастерам и на радость врачам, лечащим голову.

Служил один неверующий поп. Родина о том и не догадывалась даже, поскольку, перефразируя Шевчука, была ко всякой сволочи доверчива. Поп тот строил большой храм. Ну как – строил? Один кирпич положит в кладку, три – в карман. В итоге получилась внушительная сумма, которой хватило на покупку заваленных всяким антиквариатом царских апартаментов близ Елоховского собора. Грянула проверка, и настоятелю, откупившись малой кровью, пришлось уехать в другую епархию, где его поставили обычным штатным попом в женский монастырь.

Поп глядь да глядь, а игуменья тоже неверующая. Родственная душа, стало быть. Ан нет. Фигушки. Невзлюбила матушка нового священника. Тот уж с ней и так и эдак, не может угодить и всё тут. А та вошла во вкус, и вовсе издеваться стала.

Поп уж тут терпеть не стал и задумал игуменью свести со свету. А поскольку сотни часов провёл за сериалами вроде Игры Престолов и Декстера, то не стал пороть горячку, а раздобыл ядовитого тропического змея, да и подбросил его в игуменские покои. Змей укусил игуменью Акулину, да и сдох, отравившись.

А бесы, глядя на это, приняли решение, что стоит сериалы те продлить ещё на несколько сезонов, ибо польза от них изрядна весьма.

Пришли бомжи на пир, а царские слуги им и говорят:

– Э, нет, вы уже были на этой неделе.

– Так мы ещё хотим, – разволновались бродяги.

– Нельзя так часто, нехорошо, – объясняют им, – это ж царский хлеб, а не ваши обычные объедки с помойки.

– Так ведь много мест незанятых за столом! – продолжали бузеть маргиналы, но стражи оставались непреклонны.

– Что-то опять мало желающих отведать моей трапезы, – удивлялся царь позднее.

– Вот такой у нас гнилой народец, угу, – кивал пожилой швейцар в золочёной ливрее, доедая запечённую баранью ногу.

Отец Пью приехал в гости к старому товарищу и нашёл его опечаленным. Руководитель миссионерского отдела епархии справедливо требовал с него кипучей антисектантской миссии. Только где ж ей взяться в небольшом городке, где даже собакам скучно?

Выяснив фронт работ, отец Пью коротко сказал: «Я щас». После чего направился в парикмахерскую и сбрил свою эспаньолку. Там же узнал, где находится самый шикарный местный ресторан.

Меню не включало в себя трюфелей, чёрных арбузов и Шато Лафит, впрочем, отца Пью это не смутило. Заказав самые дорогие блюда, он запил всё чёрным ромом. Затем потребовал счёт, но вместо денег положил в кожаный чек-бук мормонский флаер, приглашающий к дискуссиям на английском языке. Встал во весь рост, размял спину и швырнул тяжёлый стул в панорамное окно.

– Свят пророк Мормон! – взревел бритый батюшка, потрясая кулаком.

– За Урим и Туммим! – восклицал отец Пью, переворачивая стол. – Мормоны – сила, ресторан – могила!

– Покайтесь, язычники! – крикнул он напоследок и выскочил через окно на улицу.

Вечером этого же дня к зданию церкви Мормонов подъехали два внедорожника с тонированными в круговую стёклами. Восемь энергичных парней, не стесняясь в выражениях, убедили духовных руководителей в необходимости их срочного переезда в какой-нибудь другой город.

А утром на электронную почту главного миссионера епархии пришёл рапорт о том, что в результате комплекса мер сектантских организаций в городе стало на одну меньше.

– А борода отрастёт, – успокаивал товарища отец Пью.

Один человек тяжко согрешил тем, что копил деньги себе на погребение. Копил, значит, копил, а сам взял, да и не умер. За это его и отпевать не стали. Остальным чтоб наука.

Приступили как-то раз православные к своему настоятелю, мол, в этих ваших интернетах какой-то скверный поп пишет, что Ветхий Завет читать надо.

Вздыхнул батюшка, покачал головой и сказал:

– Я как-то по молодости открыл Ветхий Завет, попал на Третью Книгу Царств. И там был такой момент, что Ровоам, сын Соломона, на просьбу народа о снижении налогов по совету молодых приближенных ответил крайне грубо и пошло. Не пристало православным читать такое, знаете ли.

Тогда стал молить народ православный, чтобы открыл им пастырь слова Ровоама. Долго упрямился протопоп, затем потребовал удалить из храма детей малых.

– И сказал Ровоам народу: «Да мой мизинец толще, чем у отца моего... это...».

И показал глазами, где находится это.

– Господи, какой срам! – ахнула староста.

Клирошанки густо покраснели, а молодой дьякон Дионисий в алтаре оживился и прислушался.

– Это я ещё Песню Песней не читал, – продолжал мудрый настоятель, – а вот мой однокашник открыл на свою беду. Застукали его потом с одной, с регентского, пришлось жениться. А ведь он о монашестве мечтал.

Люди возмутились духом и с клятвой отреклись от подобных чтений. Мало ли что.

Один лишь отец Дионисий радостно потёр ладони, чётко уяснив для себя, что ему обязательно следует прочитать из Библии.

Между двумя семинаристами разгорелся спор о том, чью позицию должен защищать на приходе поп: прихожан или архиерея. Моделировалась абстрактная ситуация, когда интересы мирян и правящего архиерея почему-то вступали в конфликт.

Второкурсник считал, что поп должен быть за прихожан, поскольку они его кормят. Третьекурсник доказывал, что поп саном обязан епископу, и вообще нефиг допускать какие бы то ни было конфликты на приходе.

В результате их спор был услышан дежпомом, который на всякий случай взял с каждого объяснительную, почему они опоздали на ужин.

Один человек решил учиться на собственных ошибках, но так и не смог заметить за собой ни одной. Пришлось учиться на чужих, благо, ошибались все вокруг.

Снилось отцу Пью, что финские астрономы открыли инопланетян. Взволновались люди и созвали богословское вече. Как, мол, объяснить всё это? У одних оказались с собой целые диссертации о том, что инопланетяне не противоречат Библии. Другие заявили, что в свете новых открытий им можно предаваться противоестественным грехам. Третьи на всякий случай закопали себя в землю по пояс. Четвёртые сказали, что подождут окончательного решения начальства. Пятые облили зелёной краской тех, у кого были диссертации. Один дьякон заявил, что ему вообще пофиг. Ему не поверили. Звонили проверенным старцам, но не дозвонились. Хотели позвонить в Патриархию, но постеснялись. Потом выяснилось, что открытие совершили не финские астрономы, а цыганские. Градус накала страстей тут же понизился до нуля, и все разошлись.

Отцу Пью сразу стало скучно одному, и он проснулся.

Одному очень суровому молодому христианину забыли сказать, что Христос воскрес, и он так и ходил. Суровый и непримиримый к неполному соблюдению четвёртой редакции Студийского устава другими христианами.

Ибо нечего тут расслабляться, понимаешь.

– Есть такая проблема, святой отец, – сказал, смущаясь, один дядька, подойдя к дьякону Дионисию, – все вот эти сборы с тарелкой...

Дьякон хотел, было, сказать, что он сам не в восторге от этой практики, и будь его воля, он бы... Но поборол желание, боясь, что донесут настоятелю.

– Понимаете, – продолжал мужчина, – кидать на блюдо мелочь как-то стыдно, мол, побирושка какой, а всякий раз класть купюры – накладно выходит.

– То есть, дело лишь в этом? – удивился отец Дионисий.

– Ну, как бы, да. Что посоветуете?

– Кидайте фальшивые деньги, – нашёлся вдруг священнослужитель и предъявил сто дублей Банка Приколов.

Дядька повертел купюру в руках, хмыкнул, крепко пожал дьякону руку и, довольный, удалился.

Один человек нашёл клад и начал раздавать деньги друзьям. У кладов есть одна неприятная особенность – они часто заканчиваются. Когда закончились эти деньги, друзья решили, что имеют дело с жадиной, который зазнался. И перестали с ним дружить.

– Эх, надо было врагам деньги раздавать! – часто говаривал потом тот человек.

Попав в очередной месячный запрет, отец Пью озадачился вопросом заработка, поскольку поповская зарплата ему пока не светила. Вспомнив слова женщин, которых бьют мужья, что последних оправдывает не то зависимость, не то ещё какой-то недуг, запрещённый пресвитер решил эту заразу лечить.

Разместил на нескольких приходах, где были знакомые настоятели, объявления. И вот, поступил первый заказ.

Муж – баскетболист, жена – дюймовочка. Скула опухла, запястье забинтовано.

– Он не виноват, – сбивчиво объясняла жена, – просто у его родителей так же было, вот он и впитал...

– Конечно, не виноват, – согласился отец Пью. – Случай классический. Ты пока на кухню сходи, отрежь кусочек сырого мяса, а я пойду, соберу анамнез у больного.

– А зачем мясо? – поинтересовалась дюймовочка.

– Так надо, – таинственно ответил батюшка и прошёл в спальню.

– Ты кто такой? – изумился баскетболист.

– Дед Мороз я. Слышал я, что ты себя плохо вёл в этом году, потому без подарка пришел. Но вот, что имею, даю тебе!

И дал страждущему от духа драчливости хорошего православного леца.

Страждущий впал в культурный шок и, сам того не желая, подскочил с кровати, но получив заушину, сел обратно и затих, потрясённо глядя на гостя.

– Смотри, чадо, если снова будешь плохо себя вести, я вернусь сюда с Сантой и его оленями.

В спальню заглянула дюймовочка с куском мяса в руке.

– Свинина подойдет?

– Подойдет, деточка, – ласково ответил отец Пью и погладил её по голове. – Как раз именно свинина тут и поможет. Сейчас вот наложу древнее заклинание, и муж твой драться больше никогда не будет.

После чего воздел руки и хорошо поставленным голосом провозгласил:

– Крибле, крабле, бумс!

Неслышно прошептав над вырезкой: «Господи, помилуй и прости», бывший боксёр елеинно посоветовал мужу «приложить мяско к морде лица», взял с женщины плату и, уходя, сказал:

– Гарантия – два года, если что – звони, приеду бесплатно.

За месяц запрета у отца Пью было ещё порядка двадцати подобных заказов и куча благодарных звонков от жён. Потому, когда архиерей ему снова разрешил служить, он даже несколько опечалился, поскольку боялся одновременно бить хари и служить литургию.

Один вещий настоятель не самого популярного храма имел благодать быть одновременно в разных местах. Особенно это касалось святых мест, где была особенная нужда в священнике – уличной территории крупных городских церквей. Вот, скажем, заезжает человек на хорошей машине на территорию кафедрального собора, а к нему уже подходит вещий поп и говорит:

– Здравствуйте, я священник, чем я могу Вам помочь?

И людям даже не приходилось утруждать свои ноги пешим переходом до церковной лавки, поскольку договаривались о требах с батюшкой-тружеником, не выходя из автомобиля.

Ученики вопрошали учителя:

– Почему православные соцсети пестрят борьбой с какой-то крысой? Что заставляет многих православных так яростно агитировать против китайского календаря, о котором мы узнали лишь второго дня, да и то случайно?

На это учитель сказал:

– Отстаньте от этих людей, ведь они уже победили свои страсти, преисполнились любви к Богу и ближним, бесы в страхе убежали от них, и теперь из всех врагов имеют лишь календарных китайских зверей. А вот нам с вами ещё предстоит генеральная уборка в наших сердцах.

– Батюшка! Русский язык погибает! – воскликнула прихожанка монастырского храма. – Неужели Церкви до того и дела нет?

«Горе мне», – подумал игумен Тигрий, а вслух сказал:

– Гибнут цивилизации, пропадают с ними и языки, да и вообще все мы умрём.

– Так ведь иностранщина заменяет собой русскую речь, Вы что, не понимаете?

«Ланфрен ланфра», – очень захотелось ответить настоятелю обители, но вместо этого спросил:

– А помните, в Ветхом Завете говорилось, что некогда все на земле говорили на одном языке? И ведь ничего в этом не было плохого, пока хананеи не пошли против Бога. Может нам об этом лучше задуматься?

– Да Вы вообще русский человек или кто? – возмутилась дама, всплеснув руками.

– Монах я. А во Христе нет ни русского, ни этрусского, – парировал чернец.

– Да какой Вы... – начала, было, женщина, но в этот момент отец Тигрий затрясся как осиновый лист и с перекошенным лицом указал на нечто за её спиной.

Взвизгнув на всякий случай, она резко развернулась на месте, но ничего страшного там не обнаружила. А когда повернулась к собеседнику, то к своему неудовольствию увидела, как тот, подобрав полы рясы, улепётывает к братскому корпусу.

И больше ноги её в том монастыре не было.

Игуменья Акулина учила у кафедры, что послушание превыше всего, и что без оногo нет спасения. А вновь сосланный в монастырь отец Пью прилюдно возразил, указывая на девятерых прокажённых, которые исполнили послушание, продолжив свой путь. Мол, самарянин, очистившись от проказы, нарушил послушание и вернулся благодарить Христа. И это нарушение послушания, дескать, и спасло его.

Возмутившись духом, матушка ночью, пока все монахини спали, проникла в алтарь и раскрыла на престольное Евангелие. К её досаде, всё выглядело, как и сказал поп-пьяница. Повинуясь внезапному озарению, мать игуменья выдрала злополучную страницу и удалилась в свою опочивальню в духе мирном.

Подарили как-то одному человеку гитару Martin из глазкового клёна. К слову сказать, стоила она больше миллиона целковых. Мужик обрадовался. Вот уж где разгуляться: сочиняй, играй, радуй себя и друзей.

А тут, значит, панки подходят к нему и говорят:

– Вот это да, чувак! А давай-ка ты её на нашем концерте со всего размаху о сцену разобьёшь? Будет же форсу!

– Это вы трёхтысячные гитары бейте, производства спичечно-стружечного завода славного города Фуньхуа, – отвечает мужик.

Приступили тогда к нему суровые гитароненавистники:

– Гитара – орудие вселенской энтропии, – говорят. – Ты храни её дома в кофре, да скотчем обмотай, чтоб соблазну не было играть на ней.

– Я гляжу, вы не только липкую ленту от шотландского виски не отличаете, но и сами обмотались ей с головы до ног, – ответил мужик, да и мудро послал их подальше.

А сам стал наслаждаться подарком и славить Бога.

Вышел отец Дионисий кадить на вечерне. Покадил иконостас, покадил аналойную икону, покадил вдоль южной стены храма, а когда дошёл до притвора, то напала на него печаль века сего, как он потом рассказывал настоятелю. А не совладавши с той печалью, так и пошёл домой – в стихаре и с кадилом в руке.

А благочинный выговорил настоятелю, который позвонил пожаловаться, чтоб впредь зарплату дьякону не задерживал.

Ученики спрашивали учителя, допускает ли он вероятность существования инопланетян.

Отвечал учитель:

– Я не знаю, есть ли разумные существа на иных планетах, домысливать не стану, но на этой их точно нет.

Один высокопоставленный гражданин подверг сомнению слова апостола Павла «Что посеет человек, то и пожнёт». Для чистоты эксперимента он вообще ничего не сеял, а на жатву

выходил в чужие огороды. Забив осенью свои житницы под завязку, гражданин в полной мере оценил наивность библейских сентенций.

Отец Пью как-то рассуждал за стаканом доброй чачи, подаренной ему благодарными прихожанами:

– Православные вот, почему такие унылые? Одни не в курсе, что Христос победил смерть, другие пытаются напялить на себя монашеские вериги со всеми этими сухоядениями и жёстким контролем своего либидо, будучи притом людьми семейными, между прочим. Третьи слишком много гордятся своими заслугами и боятся общественного порицания за свои грехи. У четвёртых всегда болит голова за школьную успеваемость, ипотеку, шубу и новые сапоги. А я почему всегда безмятежен, подобно весеннему цветку лотоса на глади пруда у подножья Кракатау? Да потому, что пью, мне нечего терять, нечем гордиться, и я почти в совершенстве овладел искусством православного дзен-пофига.

Затем поднял стакан, чокнулся с церковным сторожем и провозгласил:

- Ей, гряди, Господи Иисусе! Слава Богу, мы все умрём!
- И воскреснем, – сипло добавил он вместо закуски.

Жил один человек. Жил себе, жил, а потом умер. Люди похоронили его и разошлись.

Ещё один, глядя на это, начал жить для других. И тоже умер. Другие похоронили его и разошлись.

Глядя на первых двух третий жил так, чтобы его запомнили: любил женщин, вино, драки и эпатаж. Умер, как водится. Похоронили и его. И разошлись.

Четвёртый понял, что следует избегать похорон. Нашёл в лесу волчью стаю поволчее и отдался на съедение. А поскольку намеренно пил исключительно кока-колу, его кости стали очень хрупкими и тоже были съедены волками. Похоронить люди его хоть и не смогли, но тоже разошлись.

Пятый человек вовсе даже и зачинаться не стал, дабы дух его не томился, а тело не съелось. Люди не растерялись, похоронили, кого сумели, и разошлись.

Шестой решил жить вечно и никогда не умирать, что ему, в принципе, удалось. После чего научил этому всех остальных. Люди, хоть и косились на него, но всё равно то сходились, то расходились.

И ничего с этим не поделаться. Люди любят то сходиться, то расходиться.

На учёном совете семинарии разбирали недопустимое поведение первокурсника, который, забравшись на колокольню, мастерски изобразил колокольную же партию из «High Hopes» группы Pink Floyd. На требования дежпома оный нарушитель колокольню ответил начальными нотами из «Богемской Рапсодии» и бесчинным воплем: «Мама, у-у-у-у!».

Выслушав ходатайство инспектора об отчислении злостного хулигана, владыка ректор распорядился отправить семинариста на курсы звонарей с последующим послушанием в кафедральном соборе.

– Батюшка! – как-то раз обратился к отцу Пью юный алтарник. – А вот Вы почему никогда поклонов не даёте пономарям в наказание?

Отец Пью отвлёкся от разглядывания фотографий в церковном календаре и внимательно посмотрел на подростка.

– А тебе, брат, хочется их класть? – поинтересовался он.

– Поклоны спасительны, – уклончиво ответил юноша.

– Ну так что тебе мешает кланяться во славу Божию? Вовсе необязательно для этого косячить, – ответил отец Пью, после чего вернулся к бороатым фотографиям.

– Сколько жуликов на свете! Помилуй Бог! – покачал он сокрушённо головой.

Тут как тут настоятель:

– Кто жулики? О ком это ты?

– Мошенники телефонные, – отозвался отец Пью, – звонят и звонят без конца.

Затем удивлённо воззрился на настоятеля:

– Да уж не на этих ли святых старцев ты подумал, борода твоя многогрешная? Окстись, брат!

И, уткнувшись в календарь, замурлыкал «От Севильи до Гренады» к вящему неудовольствию начальника.

Ученики обступили учителя и сообщили ему, что некий миллиардер раскритиковал низкие пенсии и зарплаты россиян, ожидая услышать от своего наставника нечто мудрое по этому поводу.

Тот оглядел своих братьев и сказал:

– При сильном желании можете и вы покритиковать, ведь для этого совсем необязательно быть миллиардерами.

Услышав доносящееся из подъезда пение, дьякон Дионисий выглянул из квартиры и обнаружил подростка, моющего площадку. Песня оказалась религиозной, а паренёк – протестантом.

– Приходите в нашу Церковь! – улыбнулся паренек.

– Ох, – вздохнул дьякон, – мне и своей вот так хватает!

И провёл ребром ладони по шее.

Приступили как-то раз монахи к своему игумену:

– Нам тут вопрос каверзный задали в этих глупых интернетах, мол, почему ходишь, ходишь в храм и молишься, а всё одно – болеешь? Судили мы, да рядили, не знаем, что ответить.

Задумался отец Тигрий и ответил:

– Очень непростой вопрос. Вот взять моего брата, например. Так он и на лыжах, и в спортзале, не пьёт, не курит, диспансеризацию проходит два раза в субботу, а духовнее не стал никак, хулит всех святых, на чём свет стоит. Не знаю и я, что ответить.

И пошел выбрасывать монастырский вайфай-роутер.

Собрались как-то православные на одном приходе, чтобы решить вопрос, как привлечь молодёжь в Церковь.

– Не нужна нам тут эта молодая поросль, от неё одни проблемы, – сказал один дедушка. – Будут тут свои порядки наводить, с гаджетами ходить, шуметь, рок-концерты бясовские устраивать, ну их, короче.

– Молодёжь – наше будущее, – возразила ему тётенька.

– Дайте мне спастись спокойно, а они сами пусть, как хотят, – упёрся дедушка. – С детьми этими возитесь, а они бегают по храму Божьему, молиться мешают людям.

– Кто научился молиться, тому дети не могут помешать, – высказалась клирошанка.

– Патриарх поставил задачу, и нам нужно её решать, хотим мы этого или нет, – отрезал настоятель.

– А, ну если так, то, конечно, да, – пробурчал дедушка, – Патриарху виднее.

– А давайте на русском служить, – предложил дьякон Дионисий, – а то им непонятно же, о чём мы тут молимся.

– Когда ты на русском читаешь Апостол, всё одно – ничего непонятно, – встряла староста, – шуршишь, как ветер в ивах осенним вечером.

Дьякон обиделся и отвернулся. Разгорелся большой спор. Один только отец Пью ничего не говорил, а только внимательно слушал. Предложили высказаться и ему. Тот он встал, оглядел уважаемое собрание и спросил:

– А эту самую молодёжь вы спросили, хотят ли они к нам попасть?

Все зашумели и решили выйти на улицу и спросить какого-нибудь юношу или девушку. Поймали интеллигентного на вид подростка, обступили его и стали задавать вопросы. Поскольку предложений было много, парню пришлось их выслушать, ведь он был очень воспитанным. Потом юноша откашлялся и сказал:

– Вы, конечно, меня простите, но мне это просто неинтересно.

– Как же так? – опешил настоятель. – А Христос? Христос тоже не интересен?

– Да, простите, – ответил парнишка. – Не то, чтобы я был против Церкви или религии как таковой, кому-то это действительно необходимо, но так уж сложилось, что вот именно мне Христос не нужен, простите.

И ушёл своей дорогой, продолжив слушать аудиокнигу Джеймса Джойса через наушники.

– А я про что? – сказал отец Пью и пошёл отпевать, потому что уже привезли гроб.

Игуменье Акулине приснилось, что в споре иосифлян с нестяжателями победил преподобный Нил Сорский, отчего она проснулась в холодном поту.

– Чуть сердечко моё не остановилось, – жаловалась она потом духовнику. – Кстати, а кто это такие и чего они спорили вообще?

И пожилой иеромонах смущённо разводил на это руками.

Ученики спрашивали учителя, большой ли грех – материться, когда всё плохо.

– Это не грех, а глупость, – ответил учитель. – Предлагаю весь следующий день провести без еды, но употребляя матерную брань.

Когда время эксперимента подошло к концу, учитель спросил учеников, легче ли им было, когда они не стеснялись в выражениях. Оказалось, что урчащий желудок матерщиной не накормить. Вывалив на стол гору леденцов на палочке, учитель заявил:

– Завтра принимайте пищу как обычно, а как захочется с досады сказать что-то неладное, вместо этого берите по чупа-чупсу на каждый такой случай.

Выяснилось, что от сладостей гораздо больше толку, чем от ругательств. На том и порешали, закупив побольше конфет. Жизнь-то далеко не всегда – сахар.

«Не умирает тот, кто живёт в своих произведениях», – услышал от кого-то один человек, после чего окончил в интернете трёхдневные писательские курсы, прикупил корочки, удостоверяющие, что он право имеет, и с тех пор пишет и пишет. Пишет и пишет. Каждый день.

И всё о себе.

Пока отец Пью чистил в пономарке камилавку от воска, алтарник поведал ему с грустью, что в состоянии аффекта разбил телевизор о камень мостовой, чтобы жена не смотрела круглосуточно свои сериалы.

– Эх, не стоило, обиделась же смертно, – говорил суровый бородач, скребя затылок.

– Дщи Вавилоня, окаянная, – задумчиво процитировал отец Пью, – блажен иже имет и разбиет младенцы твоя о камень.

– Ну я это, того, – смутился пономарь.

– Не те сериалы она смотрит, так и передай, – сказал протопоп. – Я, вот, давеча Ведьмака с Суперменом в главной роли пытался досмотреть... Тоже чуть телек не разбил, еле удержался, так взбесил меня скотский Нетфликс. Не знаю, зачтутся ли мне те муки... А плесни-ка мне, родной, ещё бензинчику.

Когда заболел требный иеромонах, отцу Тигрию пришлось самому выйти на исповедь. А исповедовать не монахов он не любил.

– Батюшка, жена от меня тако-о-ого требует, а я ведь православный. Только же миссионерская должна быть, ну, эта, Вы понимаете? – докопается иной.

– Ты миссионер, чадо? – спрашивал несчастный собеседник ангелов.

– Э-э-э... Нет, я электрик.

– Ну, вот и не выдумывай. Иди, вон, зажигай, – бывал ответ.

Вот и в этот раз ему не посчастливилось. Юбка в пол, за спиной почему-то рюкзак, на ногах туристические ботинки. Городская. Спрашивает, не грех ли кота кастрировать.

– Вы очень правильно поступили, что с этим вопросом приехали именно в монастырь к монахам, – оживился настоятель. – Только есть одна проблема.

– Какая, честный отче?

– Видите ли, я не кот, тем более, не Ваш кот. Вот Вы спросите у него. И если он будет не против, кастрируйте на здоровье. Христос на Вас будет не в обиде, – ответил игумен Тигрий.

– Отче, да как же это? – опешила паломница.

– Воля Божия! – воздел руки к небу пастырь. – Монахам Бог всё-всё открывает на благоприятную пользу истинных почитателей иноческого жития.

После чего объявил остальным паломникам заочное отпущение всех грехов ввиду открывшейся ему истине о каждом присутствующем и поспешил в алтарь – дослуживать литургию.

Один выдающийся пирожник очень любил свою работу, а клиентов не очень. Поэтому, наступая на горло песни собственного кошелька, пироги пёк невкусными. Но однажды он искренне полюбил деньги, и всё у него наладилось.

Когда отец Пью перед Всенощной сидел в пономарке с другими попами, то увидел в окно, как настоятель выходит из нового автомобиля. Закатив глаза, он вытянул вдаль руку и сдавленным голосом воззвал:

– Слушайте, братья, только что мне было видение! Сегодня зарплаты не будет!

Ему, конечно, никто не поверил. А через пару минут все уже слушали пространный рассказ о тяжёлых временах, общецерковных сборах на борьбу с кастанедовцами, разрухой и Гарри Поттером. Понурившись, попы поняли, что видение их сослужителя было истинным.

И только сам ясновидец не огорчился. Взяв в десницу свою длинный нож, которым обычно нарезали литийные хлеба, отец Пью мило улыбнулся настоятелю и запел:

– Ведьмаку заплатите чеканной монетой, чеканной монетой!

А окончив припев, двинулся на своего начальника походкой самурая-мечника ко всеобщей радости. Настоятель шутки не оценил и спешно покинул пономарку, чтобы позвонить в епархиальное управление.

Так отец Пью получил свой очередной месячный запрет.

Ученики в сильном волнении спросили учителя по поводу мировой войны, что, согласно афонскому пророчеству, должна случиться буквально через пару месяцев.

– А я смотрю, у вас далеко идущие жизненные планы, расписанные на целых два месяца вперёд! – страшно удивился учитель.

Одному семинаристу преподаватель гомилетики велел на Сретение явиться в храм, где он служил, чтобы принять проповедь в качестве экзамена.

Студент писал всю ночь. Но когда он, выйдя на амвон, вместо знакомых физиономий ухмыляющихся семинаристов увидел незнакомые лица доброй сотни прихожан, то совершенно забыл всё, что собирался сказать.

– Братья и сёстры! – сказал он и ясно прочитал в глазах людей немой вопрос: «Ты, мальчик, кто вообще?»

– Сегодня, то есть, нет, две тысячи лет тому назад состоялась встреча...

Тут третьекурсник запнулся, потому что увидел, что клирос в полном составе куда-то удалился, а бабушки, что стояли позади, как по команде, полезли в свои пакеты и стали чем-то сосредоточенно шуршать.

«А ведь препод предупреждал, что так будет», – подумал будущий пастырь и понял, что сейчас завалит экзамен.

– Ветхий Завет! – громко выпалил он, да так, что бабушки перестали шуршать и испуганно посмотрели на него, а регент даже выглянула из-за угла.

– С Новым Заветом встречается Ветхий! А кто из вас читал Ветхий Завет целиком? – спросил проповедник и сделал паузу, оглядывая каждого из прихожан.

Все молчали, пребывая в недоумении.

– Что? Никто? Тогда что мы сегодня празднуем? Сретение – это встреча. Симеон читал Ветхий Завет, между прочим! Вот он и встретил Христа. А если в нас самих этой встречи двух Заветов не будет, то и праздника тоже не будет! Маранафа, то есть, аминь! – сказал семинарист и зашёл в алтарь с красным лицом, ни на кого не глядя.

Между прочим, получил пятёрку.

Один человек очень хотел быть не таким, как прочие человецы. На это ушло очень много времени и сил, ведь нужно было прожить без греха не пять минут, а всю жизнь, но в конце концов ему это удалось.

На этом, собственно, всё.

– Батюшка, мне тут Ваша сотрудница заявила, что женщинам брюки носить грех, а я прочитала в интернете, что не грех!

Пришедшая на огласительную беседу излучала негодование всем своим видом. Отец Пью внимательно оглядел собеседницу, обойдя её вокруг, отчего она несколько смутилась.

– Ну вот, сами рассудите: задние половинки развернуты в сторону бокового шва. И ещё вот эти складки, видите? Это не просто грех, это кощунство какое-то! Пожертвуйте их срочно кому-нибудь, а себе купите что-то более подходящее, да, – заявил протопоп и удалился в алтарь.

Застав монастырского сторожа за курением на рабочем месте, отец Тигрий, хотел, было, сделать ему строгое внушение, но помедлил с этим, спросив на всякий случай, не случилось ли чего.

Сторож с отрешённым видом, неопределённо махнул рукой и сказал:

«Видите ли, батюшка, я боюсь грядущей диснеевской киноадаптации мультика про Мулан. Вдруг в китайской армии окажутся негры, или, скажем, Ли Шанг влюбится в Мулан раньше времени?»

Представляете картину? Он ощущает где-то внутри себя сперва слабую искру, но гасит в себе чувства, ведь он офицер, и, прежде всего, должен исполнить военный долг.

А тут ещё его снедает желание доказать всем, что он получил капитанское звание не потому, что он генеральский сынок.

Выходит, что проявлять симпатию к Мулан несвоевременно, ведь нужно зарабатывать авторитет. Но он ничего не может с собой поделаться, и его чувства, обострённые ежедневной смертельной опасностью, как собственной, так и Мулан, буквально пожирают его изнутри. Втайне он, само, собой, надеется на ответную любовь, что естественно, ведь он живой человек. Постепенно он начинает ловить на себе тайные взгляды Мулан и, после стадии отрицания, всё же, уверяется, что тоже любим.

Понимая, что его любовь может не пережить и следующего дня, он открывается Мулан и, услышав в ответ робкое признание в ответных чувствах, забывает о всякой осторожности, и вот на экране крупным планом поцелуй двух влюблённых! Но, стоп! Что это? Мулан – девушка? Как такое может быть? О, горе! О, злая судьба!

Сердце Ли Шанга разбито, он не может любить девушку. Почему, почему Мулан не мужчина?

Трагедия! Жизнь потеряла всякий смысл! И капитан принимает решение погибнуть в первом же бою...

А ведь дети ждут, чтобы сходить в кино. Понимаете, о чём я, батюшка? Поскорее бы уже конец света, что ли?»

Настоятель открыл рот, но вместо слов смог выдавить из себя лишь слабое сипение. Вырвав из руки сторожа пачку сигарет, он впервые за двадцать пять лет закурил и долго смотрел на закат.

Одному старцу как-то раз явился чёрт. От неожиданности старец перекрестил видение, но чёрт, вместо того, чтоб исчезнуть, в ответ показал ему неприличный жест. Опрос других старцев показал, что тем являлись исключительно ангелы и святые, а чертей они отродясь не встречали. Поразмыслив немного, наш старец утвердился в мыслях о собственной исключительности и даже временами беседовал с чёртом о тонких сферах.

– Лично я считаю, что на помощь прихожан должны рассчитывать лишь семейные священники, у кого есть дети, – сказала новенькая бабушка, поставленная у панихидного стола раскладывать приношения для клириков, – и трезвые, притом.

– Да я особо без претензий, – ответил отец Пью, отходя от кануна. – Была у меня семья, да погибла, – добавил он вполголоса.

Ученики спросили учителя, что он думает о признаках последних времён.

Оторвавшись от чтения оппозиционных церковных ресурсов, учитель изрёк:

– Когда Церковь начинает остро нуждаться в отделе аналитики и пиара, тут вам и последние времена.

Один человек как-то раз поверил во все теории заговоров. Сперва ему стало не по себе. А потом понял, что всё равно ничего не изменит и успокоился. Но подкладку из фольги в летней кепке и зимней шапке оставил. Для терморегуляции.

Отец Пью сидел на заседании круглого стола по противодействию экстремизму вместо настоятеля, который находился в отъезде. Чтобы не было так скучно, он воображал себя умиротворённым лемуром, греющимся на солнышке.

Экстремистом по неведомой причине тут считали именно попа, поэтому каждый считал своим долгом высказаться с критикой Церкви.

«Я збагоен, я совершенно збагоен», – думал отец Пью и ласково всем улыбался.

– Лично я, к примеру, считаю, – строго сказал какой-то чиновник, – что никакой разницы между православием и католичеством нет.

«Я – снежинка», – голосом Медвежонка подумал православный делегат и кивнул чиновнику.

Тот, похоже, ждал иной реакции и спросил:

– Вот скажите, а почему католики на службах сидят, а православные стоят, а?

– Ну, дорогой мой, это же абсолютно очевидно, – снисходительно ответил отец Пью, – это чтобы Бог нас сверху хоть как-то отличал друг от друга.

И добродушно улыбнулся.

«Помолимся этой ночью в тишине и спокойствии», – твёрдо решил отец Тигрий и вывел к открытым воротам монастыря трубу с краном от пятитонного бака с крещенской водой. И табличку написал соответствующую.

Так, впервые за двадцать лет, служба в монастырском храме прошла практически без прихожан, поскольку все главные события совершались у ворот.

Один человек залил зелёной все богохульные выставки, чем вызвал пристальное внимание антихриста. Но человек догадался сжечь свой новый паспорт, и антихрист его не смог обнаружить, чтобы поймать и наказать.

Смущённые учением некоторых уважаемых пастырей о неправильном переводе слова «вино» на русский язык в тексте Библии, ученики приступили к учителю с просьбой:

– Скажи нам, что пил Христос в Кане Галилейской? Вино или виноградный сок? И что за напиток веселил сердце царя Давида?

Учитель согнул газету «Советский спорт», строго глянул поверх неё на учеников и процитировал на память:

– Пришёл Иоанн, ни ест, ни пьёт; и говорят: в нём бес. Пришёл Сын Человеческий, ест и пьёт; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам.

После чего разогнул страницу и продолжил чтение.

К отцу Пью в храме подошла молодая женщина:

– Батюшка, я нательный крестик потеряла! Я теперь умру?

Тот посмотрел на вопрошающую пронзительным взглядом, осторожно потыкал в неё пальцем и сказал:

– Да.

И ушёл.

У одного человека угобзилась нива, и его задавила жаба. Был пацан – и нет пацана, как поётся в одной песне. А дальше, собственно, и сказать нечего. Не жабе же посвящать эти строки, в конце концов.

Один человек был очень воцерковлённым, но и грехи имел не то, чтобы совсем постыдные, а такие, что могли бы заинтересовать Следственный Комитет.

«Каяться – не вариант», – решил человек. А поскольку индульгенций, как известно, в Православной Церкви нет, то решил он постричься в Великую Схиму. Перед самой смертью чтоб, а не то, что вы подумали. Знакомым игуменам и архимандритам было уплачено заранее, по набору юного схимника лежало дома, на даче, у любовницы, в коттедже на Кипре, в московской квартире, в офисе и даже в бардачках автомобилей.

Однако прихватило его в самолете.

Тем не менее, знакомый архимандрит приехал прямо к трапу самолета со своим набором. А ножницы забыл. Не оказалось ножниц и у экипажа. Послали за ними в магазин, а неудавшийся схимник возьми, да и умри скоростижно. Ну и безвременно, как водится.

И последней его мыслью было: «С собой надо было всегда иметь ножницы-то».

Двадцатипятилетний алтарник за кружкой пива жаловался отцу Пью:

– С неофитством у меня прошло благоговение ко всему!

– А скажи-ка, брате, ты всё понимаешь из канона Андрея Критского? – спросил протопоп. – Только, по правде.

– Да не особо, – признался пономарь.

– Разницу между омоусиос и омиусиос чётко осознаёшь? – продолжал пастырь.

– Тёмные вещи, как по мне, – поразмыслив, ответил молодой человек.

– А не мог бы ты чисто по-братски переписать свою квартиру на меня? – проникновенно предложил отец Пью.

– Э, постой-ка! – возмутился алтарник. – Это что за братство такое?

– Ну так и не беспокойся, ты ещё неофитом не стал, да и к своей собственности благоговение не потерял. Прояви благоговение к собственности Господа Бога, и будет тебе счастье! – резюмировал отец Пью. – Что сидишь, раскрыв рот? Наливай, давай!

Приехали как-то высокопоставленные паломницы в мужской монастырь. Пришлось игумену Тигрию их встречать со всей братией, дабы владыку не сердить.

По старой традиции приравняли приём гостей к Пасхе и угощались красным вином и варёными яйцами.

– Нельзя яйцом стучать о стол, – сделала чиновница замечание старому монаху. – Стол – Престол Божий.

Тот замер и вопросительно посмотрел на настоятеля.

– Это смотря, каким концом стучать: тупым или острым, – пояснил игумен с набитым ртом.

– А есть разница? – удивились паломницы.

– Ещё какая! – важно поднял палец монах-филолог, шумно отхлебнув из деревянной братины. – Из-за этого, по свидетельству одного английского батюшки два великих народа вели войну, между прочим.

Затем вытер рот рукавом, объявил, что монахам пора поливать палки и, оставив женщинам в сотрапезники словоохотливого сторожа, ретировался вместе с насельниками.

Раз решил один большой чиновник в люди выйти. Машину, понятное дело, оставил в подземном гараже. Вышел на остановку, а на какой транспорт садиться надо – не знает. Пока устанавливал на телефон приложение, тут дождь пошёл с ветром. Или ветер с дождём. А крыша не то, что раньше были – узкая, без козырька. По бокам вместо стен – изящные конструкции – это чтоб гражданам дышать легче было, значит. Промок чиновник, продрог, чувствует – не ровен час, чихнет. А стоит ли рисковать жизнью слуги народа? Вдруг у людей хлеб закончится, а пирожных поднести некому будет? Перспектива так себе, в общем.

«В другой раз выйду в люди», – решил чиновник, да и пошёл восвояси.

К отцу Пью, дежурившему в храме, подошла бабушка:

– Сынок, скажи, пожалуйста, своими словами молиться можно?

– Да Вы что? – изумился протопоп. – Как можно? Господь, Он ведь только по-церковно-славянски понимает!

На пару секунд бабушка зависла, затем хитро улыбнулась, чмокнула отца Пью в макушку и удалилась, довольная.

Однажды бесы, не удовольствовавшись условиями труда, стоворились не выходить на работу. Что-то вроде забастовки. Глядь, а показатели греха среди людского населения планеты не падают. Даже чуть выше стали по некоторым пунктам. Смекнули бесы, что дело – швах, и немедленно приступили к должностным обязанностям. Пока православные не прочухали.

Однажды отец Пью подменял дьякона на огласительной беседе. Креститься хотел деловой дядька в пиджаке с замашками большого начальника.

– Слышь, отец, а давай как-нибудь договоримся без бесед, – начал он без обиняков.

– А ты чем заведешь, мил человек? – поинтересовался катехизатор.

– Фирма у меня строительная, – ответил начальник.

– А возьмёшь меня на четверть ставки к себе?

– А образование строительное имеется? – спросил дядька.

– А давай как-нибудь договоримся без этого, – предложил отец Пью.

– А-ха-ха, – погрозил пальцем строитель, – подловил ты меня. Ну хорошо, смотри, мне бы просто креститься, я всё равно как бы соблюдать всё не собираюсь.

– А креститься-то зачем хочешь? – спросил протопоп.

– Ну, на всякий случай там, для подстраховки, что ли. Вдруг правда Бог есть. Надо же предусмотреть все варианты.

– Согласен, – поскрёб бороду священник, – дальновидность ещё никому не помешала. Только как ты себе это всё представляешь? Познакомился ты с прокурором. Дело нужное. Мало ли, как в жизни всё повернется.

Дядька понимающе закивал.

– Только вот, сколько придётся вкладываться в эти отношения, подумай, – продолжал отец Пью. – Сколько нужно с прокурором выпить, сколько ему самому одолжений сделать, чтоб в случае чего посреди ночи важный звонок сделать. А ты хочешь, познакомившись с Христом, тут же о Нём забыть? А потом в час смертный, такой, типа, вот он я, помощи?

Дядька серьёзно задумался, несколько раз открывал рот, чтобы что-то сказать, но всякий раз снова закрывал.

– Ну и задачку ты мне задал, – наконец промолвил он. – Вот не готов я сейчас сходу её решить.

– Ну так и не торопись, подумай, – предложил пастырь.

– Пожалуй, что так, – ответил владелец строительной фирмы, попрощался за руку и ушёл. Думать, наверное.

Отец Тигрий выглянул в окно и, к своему ужасу, обнаружил там съёмочную группу вокруг старенького монаха. Тот сильно смутился от такого внимания к своей персоне и прижимал к груди секатор.

Настоятель в панике распахнул окно, чтобы вмешаться, но не успел.

– Как Вы прокомментируете идею «Москва – третий Рим»? – спросила женщина с плотоядной улыбкой.

«***», – нецензурно подумал отец Тигрий. А монах поморгал, продолжая держаться за секатор, как за спасательный круг, и робко спросил:

– Вы об эсхатологической версии или о более поздней?

Женщина перестала улыбаться. Воцарилась пауза. Пробежав глазами по лицам коллег, она не нашла ничего лучшего, как сказать:

– Осветите, пожалуйста, а-а-а... первую версию.

– А чего там освещать-то? – сказал старый насельник. – Москва и на второй Вавилон не тянет в апокалиптическом ракурсе, не то, что на Рим.

Было видно, что тележурналистка давно потеряла нить, но сдаваться она не собиралась:

– Аргументируйте, пожалуйста!

– Так ведь это очевидно! – воскликнул монах, – Масштабы не те! Разве не так?

Бросив на старика ненавидящий взгляд, женщина коротко поблагодарила его и махнула рукой съёмочной группе, мол, сворачиваемся.

– Спаси, Господи, раба Твоего отца Платона, – вздохнул игумен, держась за сердце.

Один верный Христов ученик боялся, что придёт антихрист и завладеет его душой. Он понимал, что сжигание паспорта и шараханье от ИНН не решит проблемы, поэтому он продал свою квартиру и выкопал себе знатный бункер в тайге. Не сам, конечно. Пришлось нанять престарелых квалифицированных рабочих, страдающих Альцгеймером, чтобы ни одна живая душа не знала, где он будет прятаться. Бункер вышел таким, что позавидовал бы даже некто Шикльгрюбер. Запася ученик консервами и залег на дно.

Когда пришел антихрист, то этого-то человека он найти и не смог. Антихристы, как известно, народ глуповатый. Интернетом пользоваться умеют, кодингом, там, хакингем всяким, фишингом ещё, куда ни шло, а вот поиск бункеров – не их конек, всё же. Раздосадованный антихрист вскоре был упразднен Христом в своё время. Потом случился Страшный Суд. Овцы были отделены от козлищ и унаследовали Царство Истины.

А когда закончились припасы, дядька вышел на поверхность, но никого там не нашёл.

Отцу Пью прихожане часто присылали картинки со стихотворными строками из интернета по случаю всевозможных праздников. В ответ он тоже посылал чужие стихи, причём, одни и те же:

«Видел я во сне горох,

Утром встал, и вдруг подох».

Протопоп надеялся, что в следующий раз дождётся поздравлений своими словами, но с каждым очередным праздником всё повторялось, потому что люди думали, что это он просто спьяну хулиганит.

Одна сердобольная дама увидела, что её брат во Христе погибает от пагубной страсти пьянства, и решила его спасти. Во-первых, она в соцсетях призвала всех своих подписчиков к усердной молитве. Во-вторых, она стала приносить ему на работу соки и газировку, чтобы заменить алкоголь на что-нибудь менее вредное. Ну а в-третьих, дама вспомнила авторитетное выражение: «Чем больше выпьет комсомолец, тем меньше выпьет хулиган» и решила положить свою душу взамен братской.

– А может быть, я и сопьюсь, – сказала она вслух – Зато спасу его. Возможно, он даже будет приставать ко мне, как это всегда бывает в состоянии алкогольного опьянения. Но лучше пусть пострадает моя честь, лишь бы избавить его от зелёного змия, – решила она и отправилась к погибающему в гости.

– Я не пью водку, – сказал гибнущий брат, увидев в руках дамы литровую бутылку.

– Как это? – поразилась спасительница.

– Ну, вот так, – отвечал несчастный, – невкусная она.

– А что же Вы тогда пьете? – робко спросила дама.

– Исключительно кальвадос, – мечтательно протянул алкоголик.

– Так он же дорогой! – возмутилась христианка.

– Потому пью я его по большим праздникам. Причём, на свои, – насупился пропойца.

Затем покосился на водку в руках незваной гостьи и добавил:

– Завязывать Вам надо с этим делом.

И попытался закрыть дверь.

– И Вы не пригласите меня войти? – в замешательстве спросила женщина.

– Видите ли, – смутился пьяница, – с водки всякий блуд начинается, а после блуда – выклёвывание мужских мозгов, а оно мне надо?

После чего раскланялся и выставил посетительницу вон.

От столь мощного когнитивного диссонанса дама отпила водки там же, в подъезде, продолжила дома, а на завтра уже пригласила подружек, чтобы обсудить, какими же, всё-таки, козлами могут быть некоторые.

На паре семинаристы, пока преподаватель запаздывал, обсуждали скандал вокруг статуса женщины в безбрачном сожительстве. В основном все высказывались против сравнения с проституцией, поскольку пониженная социальная ответственность не предполагает воспитания детей, варения борщей и стирки носков.

Единогласно клеймо проституции было наложено на состояние современной журналистики, поскольку в аудитории не нашлось ни одного представителя этой уважаемой профессии, чтобы высказать противные аргументы.

Конец спорам положил появившийся преподаватель, высказав идею скрытой проституции в жаргонном слове «давать», употребляющемся при описании интимных отношений. Причем, ему даже удалось расширить понятие проституции одним-единственным анекдотом.

В нём Ленин с броневика призывает слушателей разделить: кто за конституцию – налево, кто за проституцию – направо. Заметив, что Дзержинский мечется, желая и того и другого, приглашает его к себе на броневичок.

Удовлетворённые, семинаристы оставили прения и приступили к граниту богословских наук.

Один молодой священник был балагур. Не то, чтобы он завидовал лаврам Петросяна и Мартиросяна, конечно. Просто он заботился о том, чтобы людям с ним было комфортно. Вот и подтрунивал непрестанно над своими подчинёнными и прихожанами незнатного происхождения.

Однако батюшка никогда не подшучивал сам над собой, да и никому иному того не позволял, поелику меру знал и черты дозволенного не преступал. Окаянного смехотворства всячески избегал, потому что.

Сменился в епархии правящий архиерей. Прежнего поставили возглавлять какой-то Синодальный отдел, а новый оказался однокашником отца Пью. И первое дело, которое он взялся изучать, было самым толстым от жалоб на смутьяна и пьяницу, которого бы в запрет с лишением сана, да вот только владыка имел свои собственные соображения по этому поводу.

– Здравствуй, дорогой мой отец Михаил! – приветствовал новорукоположенный епископ старого товарища.

– Благослови, владыка! – бухнулся смутьян ему в ноги.

Тот поднял его, благословил и крепко обнял.

– Садись, отче, выпей со мной чаю.

Пока отец Пью разливал чай по чашкам, владыка придвинул к себе толстенную папку и сказал:

– Не знаю, какими словами выразить тебе свои соболезнования по поводу кончины Танечки и твоих малышей...

Протопоп, чьи виски уже тронула седина, молча опустил глаза.

– Я тут вот, что решил. Хочу детский приют создать при епархиальном управлении. Да только дело это настолько тонкое, что не всякого поставишь во главе. Сам понимаешь. Обидеть ребенка всякая скотина горазда, да и деньги казённые тырить легче лёгкого. А ты, я знаю, не тот человек, чтоб такие беззакония творить. Да и другим не позволишь. Вот и будешь директором. Штат сам подберёшь, – сказал епископ.

Отец Пью изумленно воззрился на архиерея.

– Так я же...

– Так я же – что? – оборвал владыка семинарского товарища.

– Ну, ты же читал моё дело... Пьяница я.

– Читал и плакал, Миша, читал и плакал. А за воротник закладывать тебе некогда будет, уж поверь мне. Ты теперь многодетный отец. Давай-ка чай пить, пока не остыл.

Ученики приступили к учителю, держа в руках церковную книжку.

«Некоторые старцы советовали и вставать с правой ноги в знак желанья идти к Богу», – зачитал вслух один из учеников.

Пролистав чуть-чуть вперёд, он слегка кашлянул в знак смущения и продолжил:

«Если вы находились ночью в супружеском сожитии, обязательно следует омыться перед посещением храма».

Помолчав, он жалобным тоном добавил:

– Тираж десять тысяч экземпляров.

Учитель поднял глаза на учеников. Те переминались с ноги на ногу.

– Ну что сказать? – промолвил учитель. – Синька – зло!

Один поп имел дар рассуждения. Причем, сразу во время хиротонии на него этот дар и сошёл. Не успел епископ дочитать молитву, как открылось попу знание Писаний и всего Предания. Ну там, ещё церковных дисциплин всяких, вроде литургики с догматикой.

Это было очень кстати, поскольку в семинарии приходилось, в основном, на различных послушаниях находиться, и учиться было некогда. Неожиданно для себя ставленник поверил в Бога и во всё, чего он в Библии не читал. Почувствовав своей головой, что руки архиерея болят из-за артрита, он исцелил их одним лишь «Господи, помилуй», а заодно почистил печень, нормализовал метаболизм и кровообращение в разных местах.

Отпив из Потира, поп увидел, что антидора на всех соборных прихожан не хватит, и чудесно умножил его. Предсказал ошибку хора на запричастном, что и сбылось спустя минуту. Когда преподавал своё первое иерейское благословение, укорил местную блаженную, что юродство её бесовское, а не от Бога. Обратился со словом благовестия к китайским туристам, что толпились у знаменитой раки. Причём, на их родном языке. А настоятелю поведал, что нужно говорить не «Горе имеЕм сердца», а «Горе имеИм сердца», поскольку в переводе с церковнославянского это слово означает, обратим.

Придя домой после службы, поп обнаружил, что у него выросла густая седая борода, а волосы сплелись в один большой подвижнический дред. Скромного есть не хотелось совсем.

В супружеском общении матушке было мягко, но решительно отказано, а в доказательство правильности этого решения он на пару минут воспарил над линолеумом.

На исповеди он был одновременно строг и мягок, учил с амвона простым выпрненным языком, работал с молодёжью, бездомными, заключёнными, посещал больных, между службами беседовал с прихожанами и совершал все требоисправления, преподавал в семинарии и воскресной школе, ходил в детские сады и дома престарелых, переводил Богослужение на языки всех малых народов, массово крестил мокшан, тубаларов и кумандинцев, взаимодействовал с Вооружёнными Силами и казаками, убедил всех зороастрийцев и чиновников чтить Закон Христов и родил десять детей.

А потом чудесный поп догадался, что его не существует, после чего незамедлительно растворился в эфире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.